

Книга Пѣснь Пѣсней Соломона.

Въ еврейской Библии книга Пѣснь Пѣсней помѣщается въ третьей части священныхъ ветхозавѣтныхъ книгъ—среди такъ называемыхъ агіографовъ (евр. *кетубим*), и слѣдуетъ непосредственно послѣ трехъ великихъ агіографовъ,—книгъ Псалмовъ, Притчей и Іова,—и предъ книгою Руоѣ. Въ греческой Библии, въ латинской Вульгатѣ и въ славянской и русской Библии книга Пѣснь Пѣсней занимаетъ мѣсто въ ряду учительныхъ книгъ послѣ двухъ другихъ произведеній Соломона—книгъ Притчей и Екклесіаста (предъ неканоническими учительными же книгами—Премудрости Соломона—и Премудрости Иисуса, сына Сирахова).

Надписаніе книги въ еврейскомъ подлинникѣ: *Шир-га-Ширим ашер ли-Шломо*, שִׁיר הַשִּׁירִים אֲשֶׁר לְשֹׁלֹמֹה воспроизводится и въ греческомъ переводѣ: *ᾠδὴ ἀσματικὴ, ἢ ἐστὶ Σολομών*¹⁾. Выраженіе „Пѣснь Пѣсней“ (греч. *ᾠδὴ ἀσματικὴ*, лат. *Canticum canticorum*) въ данномъ случаѣ не можетъ быть понимаемо ни въ смыслѣ *ряда* или *собранія* пѣсней Соломона (какъ полагали въ новое время изслѣдователи, державшіеся того взгляда на книгу Пѣснь Пѣсней, что она составлена изъ множества фрагментовъ—отрывочныхъ пѣсней, таковы, напр. Клейкеръ, Павлюсъ, особенно Денке и Магнусъ), ни въ томъ раздѣлительномъ значеніи, какое придавали ему нѣкоторые іудейскіе раввины (Абенъ—Езра, Кимхи): „одна изъ пѣсней Соломона“.

Напротивъ, по свойству еврейской рѣчи, въ которой сочетаніе имени въ единств. числѣ съ тѣмъ же именемъ во множеств. числѣ обыкновенно выражаетъ превосходную степень выражаемаго словомъ понятія (ср. такія выраженія, какъ „рабъ рабовъ“ Быт. IX, 25, „Святое Святыхъ“ Исх. XXVI, 33, 34 и др., „небо небесъ“ 3 Цар. VIII, 27, „Суета суеть“ Еккл. I, 2 и др.), „Пѣснь Пѣсней“ можетъ означать только пѣснь превосходнѣйшую, наилучшую всѣхъ другихъ пѣсней (въ своемъ нѣмецкомъ переводѣ Библии Лютеръ удачно выразилъ мысль этого выраженія словомъ „*Höhelied*“, „высокая пѣснь“), и такое названіе

¹⁾ Какъ въ еврейскомъ, такъ и въ греческомъ текстѣ надписаніе книги составляетъ первый стихъ первой главы ея; въ Вульгатѣ же, какъ и въ нашей Славянской и Русской Библии, надписаніе стоитъ особо и не входитъ въ составъ первой главы.

сполнѣ отвѣчаетъ и формѣ и содержанію данной священной книги: какъ по изяществу своей поэтической формы и внѣшняго изложенія, такъ и по внутреннему, идейному содержанію своему, по богатству мыслей въ развитіи своего таинственнаго возвышеннаго предмета, книга Пѣснь Пѣсней является превосходнѣйшимъ произведеніемъ священной богодухновенной мудрости и священной поэзіи. Указаніе на божественно-возвышенное, вѣроучительное содержаніе книги заключаетъ Сирскій переводъ Пешито, гдѣ книга эта имѣетъ надписаніе „Премудрость Премудростей“.

Иудейская синагога и древняя христіанская Церковь согласны въ признаніи неизмѣримо высокаго достоинства книги Пѣснь Пѣсней. Таргумъ на книгу Пѣснь Пѣсней, сопоставляя содержаніе ея съ другими ветхозавѣтными пѣснями или гимнами (Моисея, Девворы, Анны и др.), признаетъ ея превосходство предъ всѣми ими и сближаетъ ее съ пѣснію грядущаго Мессіанскаго времени (по Ис. XXX, 29). Мидрашъ на Пѣснь Пѣсней (I, 10—11, русск. ст. 9—10) говоритъ: „подъ „ниткою жемчужовъ“ надо разумѣть Законъ, пять книгъ Моисея; подъ „шнуромъ драгоцѣнныхъ камней“—Пророковъ; подъ „золотыми подвѣсками“—агіографы; подъ „серебряными подвѣсками (крапинками)“—саму Пѣснь Пѣсней“. Въ 3-й книгѣ Ездры V, 24. VII, 26, очевидно, въ виду Пѣсни Пѣсней, Богоизбранный народъ называется „невѣстою“ и „лиліею“. Въ Христіанской Церкви этотъ возвышенный взглядъ еврейской синагоги на книгу Пѣснь Пѣсней впервые ясно выраженъ Оригеномъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ расширилъ и углубилъ еврейское толкованіе, придавъ ему христіанскій смыслъ. Какъ любитель таинственнаго, Оригенъ съ особенною любовью остановился на томъ широкоемъ поприщѣ таинственнаго, какое представляла Пѣснь Пѣсней, и написалъ на нее десять книгъ толкованій, содержащихъ, по счету блаж. Иеронима, до двадцати тысячъ строкъ и настолько возвышенныхъ и глубокихъ по содержанію, что въ нихъ Оригенъ, по выраженію бл. Иеронима, превзошелъ самого себя. Но сохранились до насъ лишь два другіе трактата Оригена на Пѣснь Пѣсней, переведенные блаж. Иеронимомъ на латинскій языкъ и, по его замѣчанію, болѣе удобопонятные для питающихся еще млекою младенцевъ (Русскій перев. Творен. блаж. Иеронима, часть 6, изд. 2-е, 1906 г. Кіевъ, стр. 136—174). Возвышенный взглядъ Оригена на книгу Пѣснь Пѣсней выраженъ имъ въ самомъ началѣ перваго изъ этихъ трактатовъ. „Какъ мы,—говоритъ онъ здѣсь,—узнали чрезъ Моисея, что есть не только Святое, но и Святое Святыхъ, и что есть не только суббота, но и суббота субботы; такъ нынѣ мы узнаемъ чрезъ Соломона, что существуютъ не только пѣсни, но и Пѣснь Пѣсней. Блаженъ, конечно, тотъ, кто входитъ во святое, но еще блаженнѣе тотъ, кто входитъ во Святое Святыхъ. Блаженъ празднующій субботу, но еще блаженнѣе празднующій субботу субботы. Блаженъ, подобнымъ образомъ, и тотъ, кто понимаетъ и поетъ пѣсни, но гораздо блаженнѣе тотъ, кто поетъ Пѣснь Пѣсней.“

И какъ входящій во святое нуждается еще во многомъ, чтобы быть достойнымъ войти во Святое Святыхъ, и какъ празднующій субботу, которая отъ Господа установлена для народа, имѣть нужду еще во многомъ, чтобы праздновать субботу субботъ; подобнымъ образомъ съ трудомъ обрѣтается такой, кто, прошедши всѣ пѣсни, содержащіяся въ Писаніи, былъ бы въ состояніи возвыситься до Пѣсни Пѣсней“ (стр. 138). Вмѣстѣ съ Иудейскою синагогою Оригенъ устанавливаетъ аллегорическое пониманіе книги, говоря, напр.: „Если бы это (о лобзаніяхъ I, 1) не имѣло духовнаго смысла, то не было ли бы пустымъ рассказомъ? Если бы не имѣло въ себѣ чего-либо таинственнаго, то не было ли бы недостойно Бога?“ (стр. 141—142“). Однако, принимая отъ синагоги, частіе отъ таргума общую мысль аллегорическаго пониманія книги Пѣснь Пѣсней, Оригенъ измѣняетъ эту мысль настолько, насколько рѣчь іудея должна была измѣниться въ устахъ христіанина, именно на мѣсто неопредѣленнаго таргумическаго Мессіи онъ поставляетъ Господа Иисуса Христа, вмѣсто Израиля—общество христіанъ или Церковь, иначе христіанскую душу: такъ, при объясненіи I гл. 1 ст. Оригенъ замѣчаетъ, что подъ упомянутымъ здѣсь лобзаніемъ недостаточно разумѣть вѣщанія Моисея и пророковъ, какъ объясняетъ таргумъ, а нужно искать лобзаній Христовыхъ (ср. также его объясненіе ст. 2). Общая мысль толкованія Оригена усвоена была и всѣми извѣстными отцами и учителями Церкви—свв. Григоріемъ Нисскимъ, Кирилломъ Іерусалимскимъ, Епифаніемъ Кипрскимъ, Макаріемъ Египетскимъ, Аванасіемъ Александрійскимъ, блаж. Феодоритомъ и др. Въ раскрытіи этого толкованія нѣкоторые учителя церковные высказали свои особые мнѣнія. Такъ, блаженный Августинъ, согласно съ іудейскою синагогою, видѣлъ въ содержаніи Пѣсни Пѣсней, аллегорическое изображеніе исторіи древнихъ евреевъ („О градъ Божіемъ“ кн. XVII, 8, 13, 20, Русск. перев. Твор. бл. Август. ч. 5-я, изд. 2-е, 1907 г. Кіевъ).

Св. Амвросій Медиоланскій, напротивъ, далъ совершенно независимое отъ преданій синагоги христіанское аллегорическое толкованіе Пѣсни Пѣсней: по его мнѣнію (въ его *Sermo de virginitate perpetua S. Mariae*), Суламита Пѣсни Пѣсней есть аллегорическій образъ Богоматери. Взглядъ этотъ многократно выражаетъ католическая Церковь въ своихъ богослужебныхъ чинахъ: употребляя Пѣснь Пѣсней при богослуженіи, она обычно приурочиваетъ чтенія изъ нея къ Богородичнымъ праздникамъ (напр. въ Рождество Богородицы, Благовѣщеніе и Успеніе читается первая глава Пѣсни Пѣсней). Въ богослуженіи Православной церкви чтенія изъ книги Пѣснь Пѣсней не употребляются, но въ канонахъ и вообще въ службахъ въ честь Богоматери Ей весьма нерѣдко усвояются выраженія изъ этой книги („запечатлѣнный источникъ“, „заключенный вертоградъ“, „вся добра еси и порока нѣсть въ тебѣ“ и др.). Но общимъ и опредѣленно-выраженнымъ православно-церковнымъ толкованіемъ книги Пѣснь Пѣсней является изъясненіе отношеній Возлюбленнаго или Жениха и Возлюбленной или Невѣсты

книги въ смыслѣ благодатнаго таинства союза Христа Бога и чловѣчества—церкви, причемъ, по церковному разумѣнію, Пѣснь Пѣсней есть наивысшее изъ всѣхъ ветхозавѣтныхъ пророчествъ о Мессіи, даже какъ бы не пророчество, а историческое изображеніе Христа воплотившагося, вочловѣчившагося и совершающаго дѣло спасенія чловѣчества. Въ „Синописисѣ“ или Обозрѣніи священныхъ книгъ св. Аѳанасія Великаго о книгѣ Пѣснь Пѣсней читаемъ: „Все въ ней отъ начала до конца написано таинственно, съ загадочнымъ иносказаніемъ, и смыслъ догматовъ, въ ней заключающихся, содержится не въ буквѣ, но глубоко скрытъ подъ нею... Посему читать сію книгу могутъ только разумные; но должны и они, читая ее, всегда имѣть въ мысли иносказаніе, дабы невѣжествомъ неученыхъ не подверглось посмѣянію то, что въ ней излагается. *Пѣсню Пѣсней* называется она потому, что слѣдуетъ послѣ другихъ пѣсней, и что послѣ сей пѣсни нельзя ожидать другой пѣсни... Все Божественное Писаніе пророчествуетъ о сошествіи къ намъ Слова и явленіи Его въ плоти. Это составляетъ особый предметъ воли Божіей, и предвозвѣщеніе о томъ было преимущественнымъ дѣломъ пророковъ и всего Божественнаго Писанія... Всѣ сіи пророчества суть пѣсни, а *Пѣснь Пѣсней* какъ-бы уже не пророчествуетъ или предсказываетъ, но показываетъ Того, о Которомъ другіе предвозвѣщали, какъ-бы уже пришедшимъ и принявшимъ плоть чловѣческую. Посему Пѣснь Пѣсней воспѣваетъ какъ бы брачную пѣснь на сочетаніе Слова съ Плотію. И другія Писанія хотя говорятъ также о Спасителѣ, но между прочимъ возвѣщаютъ и нѣчто другое, а сія книга воспѣваетъ одинъ союзъ Слова съ плотію. Въ другихъ Писаніяхъ, какъ содержащихъ нѣчто другое, кромѣ ученія о Словѣ, находятся выраженія гнѣва, ярости и прещенія страхомъ, а сія книга, какъ воспѣвающая одно только пришествіе Слова, вѣщаетъ только о пріятности, радости и веселіи, ибо, въ присутствіи жениха, должно всѣмъ радоваться и никому не прилично плакать, какъ Самъ Господь сказалъ (Матѣ. IX, 15). Посему, какъ послѣ домостроительства, совершеннаго Спасителемъ, мы уже не ожидаемъ пророка, такъ и послѣ того, что обозначено въ Пѣсни Пѣсней, не должно ожидать другого чего нибудь, новѣйшее нѣчто знаменующее. Подобно тому какъ законъ и пророки престаи послѣ того, какъ Іоаннъ Креститель указалъ Агнца Божія, такъ и воспѣтое въ Пѣсни Пѣсней есть конецъ всего того, что возвѣщается во всемъ Божественномъ Писаніи... Какъ въ законѣ было святое, и за святымъ—Святое Святыхъ, а за Святымъ Святыхъ уже не было внутреннѣйшаго мѣста, такъ послѣ пѣсней еще есть Пѣснь Пѣсней, а послѣ Пѣсни Пѣсней уже не должно ожидать внутреннѣйшаго и новѣйшаго обѣтованія: ибо Слово однажды сдѣлалось плотію и совершило дѣло“... (Христ. Чтен. 1841, ч. 4, стр. 370—374).

Такимъ образомъ общимъ воззрѣніемъ древней и послѣдующей, христіанской церкви на книгу Пѣснь Пѣсней является признаніе въ ней аллегоріи или иносказанія съ высшимъ религіознымъ смысломъ

подобно тому какъ и древнеіудейская синагога видѣла въ Пѣсни Пѣсней именно аллегорію, притчу—*машал*. Аллегорическое пониманіе Пѣсни Пѣсней являлось для древнихъ, іудейскихъ и христіанскихъ толкователей ея и остается доселѣ и всегда, вполне естественнымъ и даже неизбежнымъ въ виду слѣдующихъ обстоятельствъ и соображеній. Уже указанный смыслъ надписанія книги, въ которомъ послѣдняя признается превосходящею достоинствомъ другія священныя книги, самъ собою говорилъ и всегда внушаетъ толкователямъ и читателямъ Пѣсни Пѣсней, что составитель надписанія—лицо, вѣроятно, отличное отъ священнаго писателя книги (какъ показываетъ уже употребленная въ надписаніи форма относительнаго мѣстоименія—*ашер*, тогда какъ въ самой книгѣ встрѣчается лишь сокращенная форма этого мѣстоименія—*Ш*), — придавалъ высшій смыслъ содержанию книги и отнюдь не могъ видѣть въ ней—по буквальному смыслу—простое описаніе житейской половой любви; иначе могъ ли бы онъ, какъ и всякій вообще истинный израильтянинъ, свѣтское произведеніе поставить выше многихъ Божественныхъ псалмовъ, пѣсней Моисея, Маріами, Деворы и Боговдохновенныхъ рѣчей пророковъ, которыя всѣ называются просто пѣснями? Затѣмъ, не подлежитъ сомнѣнію, что своимъ принятіемъ въ канонъ Священныхъ книгъ Пѣснь Пѣсней обязана тому высшему религіозному смыслу ея содержанія, который дается только аллегорическимъ ея толкованіемъ. Вопреки ложному понятію библейскаго рационализма о канонѣ, какъ простомъ собраніи древней національной еврейской литературы, составители ветхозавѣтнаго канона для принятія въ него книги ставили два необходимыхъ условія: религіозное содержаніе и святость, основывающуюся на Божественномъ вдохновеніи. Этимъ двумъ условіямъ Пѣснь Пѣсней, благодаря своему высшему смыслу, удовлетворяла въ полной мѣрѣ, какъ видно изъ слѣдующаго мѣста Мишны (тр. Ядаимъ, гл. III, §§ 4—5), гдѣ идетъ рѣчь о правильности канонизаціи двухъ книгъ—Екклезіаста и Пѣсни Пѣсней: „Сказалъ р. Акиба: избави Боже! никто никогда въ Израилѣ не спорилъ противъ того, что Пѣснь Пѣсней оскверняетъ руки ¹⁾, ибо весь міръ не стоитъ того дня, въ который дана была Израилю Пѣснь Пѣсней, ибо всѣ книги—святое, а Пѣснь Пѣсней—Святое Святыхъ“. Наконецъ, аллегорическое или иносказательное, небуквальное пониманіе Пѣсни Пѣсней являлось и является неизбежнымъ вообще при всякомъ цѣльномъ представленіи ея содержанія; въ послѣднемъ—при буквальномъ пониманіи—замѣчается цѣлый рядъ противорѣчій въ положеніи главныхъ дѣйствующихъ лицъ и ихъ взаимныхъ отношенійхъ. Возлюбленный или Женихъ Пѣсни Пѣсней въ одно и то же время и пастухъ (I, 6. VI, 2), и виноградарь (V, 1) и вѣнчаный царь (I, 11: III, 11); и Возлюбленная или Невѣста является

¹⁾ По раввино-талмудической терминологіи терминъ „осквернять руки“ въ отношеніи священныя Книги означалъ каноническое ихъ достоинство. О происхожденіи и значеніи этого страннаго термина можно читать у проф. А. А. Олещицкаго въ его „Пѣснь Пѣсней и ея новѣйшіе критики“ Киевъ 1882, стр. 14 и дал.

то пастушкою (I, 7) то стражемъ виноградника (I, 5), то царскою дочерью и царицею (VI, 7—8), равнымъ образомъ во взаимныхъ отношеніяхъ они являются то братомъ и сестрою (IV, 12), то женихомъ и невѣстою или мужемъ и женою (I, 14, II, 7); затѣмъ въ характерѣ и дѣйствіяхъ Возлюбленной замѣчается тоже много взаимнопротиворѣчивыхъ чертъ: она и несовершенна (I, 4) и совершенна (IV, 1); будучи близкою Возлюбленною своего мужа, она однако не знаетъ его мѣстопребыванія (I, 6) и ищетъ его ночью по темнымъ улицамъ города (III, 2—4), при участіи толпы Иерусалимскихъ женщинъ (V, 8—17), причемъ городскіе сторожа встрѣчаютъ ее, избиваютъ и раздѣваютъ (V, 7). Всѣ эти различія и противорѣчія, неустранимыя при буквальномъ пониманіи содержанія Пѣсни Пѣсней, сами собою отсылаютъ къ иному, высшему или иносказательному ея толкованію.

Правда, общій концертъ аллегорическихъ толкованій—и въ синагогѣ іудейской и уже въ древней христіанской церкви прерывался иногда диссонансомъ отдѣльныхъ голосовъ, пытавшихся понимать и изъяснять содержаніе Пѣсни Пѣсней въ прямомъ, буквальномъ смыслѣ, но это были именно единичныя мнѣнія людей, такъ или иначе порвавшихъ связь съ общимъ преданіемъ—синагогальнымъ и христіанско-церковнымъ, и синагога и церковь встрѣчали ихъ полнымъ осужденіемъ. Не упоминная разныхъ попытокъ этого рода въ іудействѣ (принадлежавшихъ большею частію анонимамъ), изъ христіанскихъ буквалистовъ назовемъ Феодора епископа Мопсуетскаго (V в.), осужденнаго за буквальное толкованіе Пѣсни Пѣсней пятымъ вселенскимъ соборомъ. При буквальномъ пониманіи, Суламиту книги Пѣснь Пѣсней отождествляли или съ Ависагою Сунамитянкю (3 Цар. I, 1—4. II, 17—22) или съ дочерью Фараона, женою Соломона (3 Цар. III, 1), или же съ какой-либо другой невѣстой или наложницею Соломона. Въ новое время многочисленными сторонниками буквального пониманія книги среди нѣмецкихъ библіологовъ, особенно извѣстнымъ библеистомъ Евальдомъ, развита была новая теорія, по которой въ Пѣсни Пѣсней воспѣвается непоколебимость чистой пламенной любви и торжество ея противъ всѣхъ обольщеній почести и богатства; предметъ любви Суламитянки здѣсь не Соломонъ, а простой пастухъ, ея соотечественникъ, съ которымъ она временно была разлучена, взятая во дворецъ Соломона, но здѣсь она, не смотря на всѣ ласки и обѣщанія, осталась вѣрно своему возлюбленному и наконецъ была отпущена къ нему и соединилась съ нимъ бракомъ. Что эта гипотеза не имѣетъ опоры въ текстѣ П. П. (именно въ указываемыхъ ея сторонниками мѣстахъ: I, 3. II, VI, 11—12. VIII, 10) и вообще беспочвенна, это ясно. Средину между аллегорическимъ и буквальнымъ толкованіями занимаетъ толкованіе типическое, развитое отчасти Гуго Гроціемъ и Боссюэтомъ, а главнымъ образомъ Гофманомъ и Деличемъ и у насъ Коссовичемъ, по которому, изображаемая въ Пѣсни Пѣсней любовь есть дѣйствительный фактъ изъ исторіи Соломона, но изображеніе этой любви не имѣетъ цѣли само въ себѣ, а

служить образомъ высшей духовной любви и отношеній человѣка къ Богу. При такомъ пониманіи, по мнѣнію Делича, Пѣснь Пѣсней является высоко-цѣннымъ священнымъ произведеніемъ въ трехъ отношеніяхъ: 1) въ религиозно-нравственномъ, какъ изображеніе высокой идеи брака, 2) въ церковно-историческомъ—какъ изображеніе судьбы еврейскаго народа и церкви во время Соломона и 3) наконецъ въ прообразовательномъ, поскольку въ бракѣ прообразуетъ союзъ Христа съ церковью. Вызванное стремленіемъ примирить крайности двухъ первыхъ толкованій, типическое пониманіе имѣетъ свое значеніе при изъясненіи таинственной книги Пѣснь Пѣсней. Но полное проникновеніе въ содержаніе и первоначальное значеніе ея по идеѣ священнаго ея писателя составляетъ трудность едва ли преодолимую. Взглядъ на это іудейской синагоги хорошо выразилъ іудейскій комментаторъ X вѣка Саадія: „знай, братъ мой, что есть различныя объясненія этой книги, и это не могло быть иначе, потому что Пѣснь Пѣсней подобна замку, отъ котораго клѣсчъ потерянь; одни утверждаютъ, что она относится къ царству израильскому, другіе къ закону, третьи—ко временамъ плѣна, четвертые—къ Мессіи“. Потому-то, по свидѣтельству Оригена и Иеронима, у евреевъ запрещено было читать эту книгу (равно какъ начало книги Бытія и начало и конецъ книги пророка Іезекиіля) ранѣе тридцатилѣтняго возраста. Что подобная же предосторожность обязательна и въ Христіанской Церкви, мы видѣли изъ словъ Св. Афанасія Великаго.

Впрочемъ, предпочитая аллегорическій способъ изъясненія книги Пѣснь Пѣсней, какъ принятый св. церковью, всякому другому, мы однако должны избѣгать тѣхъ крайностей беспочвеннаго и отрѣшеннаго отъ дѣйствительнаго содержанія книги аллегоризма, присутствіе котораго весьма очевидно въ трудахъ многихъ ортодоксальныхъ нѣмецкихъ библеистовъ (Гана, Генгстенберга, Шефера и др.). Аллегорія должна быть лишь принципомъ изъясненія книги, отнюдь не вытѣсняя даннаго въ книгѣ содержанія, а лишь регулируя обзорніе послѣдняго и освѣщая его высшимъ свѣтомъ. Непремѣнный долгъ толкователя при этомъ состоитъ въ томъ, чтобы возможно точно устанавливать тѣ посредствующія представленія, которыми буквальное содержаніе книги связывается съ высшими идеями аллегоріи, которая во всякомъ случаѣ должна опираться на данныя содержанія самой книги, а не заимствовать свой матеріалъ независимо отъ книги, извнѣ ея. Такое значеніе и такое примѣненіе аллегорическаго принципа въ изъясненіи книги Пѣснь Пѣсней, повидимому, намѣчается въ „Синописисѣ“ св. Афанасія. „Вся сія книга, говоритъ онъ, наполнена разговорами ветхозавѣтной Церкви со Словомъ, всего рода человѣческаго съ Словомъ, и церкви изъ язычниковъ съ Нимъ же, и опять— Слова съ нею и съ родомъ человѣческимъ. Потомъ разговоръ язычниковъ съ Іерусалимомъ и Іерусалима—о церкви языческой и о самомъ себѣ. Далѣе, воззваніе служащихъ ангеловъ къ призваннымъ въ вѣру людямъ... Приспособляясь къ таковымъ разговорамъ въ Пѣсни Пѣсней, можетъ

каждый, рассматривая самую книгу, сочетать по смыслу сходная между собою происшествія“ (Хр. Чтен. 1841 г., ч. 4, стр. 379—380)“.

Что касается теперь внѣшней, такъ сказать, литературной формы книги Пѣснь Пѣсней и ея строенія или композиціи, то и въ этомъ отношеніи она занимаетъ особенное, исключительное положеніе среди другихъ ветхозавѣтныхъ священныхъ книгъ. Въ ней совершенно отсутствуетъ повѣствовательный элементъ, священный писатель книги не высказываетъ отъ своего лица ни одной мысли, ни одного пояснительнаго замѣчанія; вся книга отъ перваго стиха до послѣдняго представляетъ рядъ душевныхъ изліяній и вообще рѣчей дѣйствующихъ въ ея содержаніи лицъ, тогда какъ въ близкой къ ней въ этомъ отношеніи книгѣ Іова историческій или повѣствовательный элементъ не только имѣетъ мѣсто въ двухъ первыхъ и въ послѣдней главахъ книги, но также не разъ выступаетъ и въ срединѣ книги, порою прерывая теченіе рѣчей. Такая особенность книги Пѣснь Пѣсней не могла не обратить вниманіе толкователей ея. И уже Оригенъ оцѣнилъ, хотя едва-ли точно, значеніе этого обстоятельства. По характеру содержанія книги Оригенъ называетъ ее „брачною пѣснью“, *epithalamium*, и при томъ такую „брачною пѣснью, по образцу которой и язычники составили себѣ свадебную пѣснь и изъ которой содержаніе для этой пѣсни ими взято. Ибо Пѣснь Пѣсней есть брачная пѣснь“ (стр. 140); по формѣ же литературнаго изложенія Оригенъ называетъ П. П. драмою, *fabula*, *drama*. „Изъ какого числа лицъ, говоритъ Оригенъ, состоитъ общество, описываемое въ Пѣсни Пѣсней, мнѣ неизвѣстно. Но по молитвѣ вашей и откровенію Господню, я, кажется, различаю между ними четыре рода лицъ: жениха и невѣсту, съ невѣстой общество дѣвицъ—подругъ, съ женихомъ общество товарищей. Одно говорится невѣстою, другое—женихомъ, нѣчто—дѣвицами, нѣчто товарищами жениха. Ибо естественно, что на бракахъ присутствуютъ съ невѣстою общество дѣвицъ, а съ женихомъ толпа товарищей. Все это ищи не вовнѣ, не внѣ тѣхъ, которые спасены чрезъ проповѣдь евангельскую. Подъ женихомъ разумѣй Христа, подъ невѣстою безъ пятна и порока—Церковь—по Ефес. V, 27. Въ душахъ вѣрующихъ дѣвицахъ, сопровождающихъ невѣсту,—уразумѣй тѣхъ, кои, хотя и вѣрны Христу, однакожь не таковы, какъ тѣ, о коихъ было сказано выше, и представляются въ нѣкоторой только мѣрѣ получившими спасеніе, а подъ мужами, сопутствующими жениху, разумѣй ангеловъ и тѣхъ, кои достигли въ мужа *совершенно*“ (стр. 140). Признавая Пѣснь Пѣсней драмою и указывая въ ней четыре названныя группы дѣйствующихъ лицъ, Оригенъ въ своемъ комментарий дѣлитъ книгу на отдѣлы—какъ бы акты или дѣйствія и при объясненіи всегда указываетъ, какому дѣйствующему лицу принадлежатъ тѣ или другія слова. Въ своемъ воззрѣніи, что Пѣснь Пѣсней написана *in modum dramaticis*, Оригенъ въ христіанской древности не былъ одинокъ: его точку зрѣнія на этотъ предметъ раздѣляли не только другіе учителя Александрійской учительной школы, но она проведена даже въ Синай-

скомъ списокѣ перевода LXX, гдѣ имѣются раздѣленія книги Пѣснь Пѣсней на четыре акта, равно какъ и надписанія надъ меньшими отдѣлами съ указаніемъ, кому принадлежитъ та или другая рѣчь (подобныя дѣленія и надписанія сохранились и въ эіопскомъ переводѣ П. П., сдѣланномъ съ текста LXX). Однако всѣ эти древніе учителя церковные не имѣли той мысли, будто Пѣснь Пѣсней написана для сцены или даже дѣйствительно когда-либо ставилась на ней. Между тѣмъ въ новое время (въ XIX вѣкѣ) цѣлый рядъ западныхъ ученыхъ въ своихъ трудахъ о Пѣсни Пѣсней развивали именно эту мысль объ ея сценическомъ назначеніи и о фактической постановкѣ на театральныхъ подмосткахъ (Евальдъ, Фюрстъ, Нѣльдеке, Беттхеръ, Ренанъ, Кемпфъ и др.). Но въ дѣйствительности библейскіе евреи, какъ и семиты вообще, вовсе не имѣли ни драмы, ни театра, напротивъ, всегда чувствовали къ первой и послѣднему органическое отвращеніе. И ни одному библейскому критику стороннику теоріи драмы не удалось доказать присутствіе въ Пѣсни Пѣсней всѣхъ драматическихъ элементовъ: драматически выдержаннаго діалога, дѣйствія, мѣста сцены, однообразнаго дѣленія пьесы на акты и явленія, раздѣленія ролей. Упомянутыя же древнія раздѣленія—у Оригена, въ синайскомъ кодексѣ и въ эіопскомъ переводѣ, безъ сомнѣнія, не имѣли ничего общаго съ якобы сценическимъ назначеніемъ книги, а указывали вѣроятно, на гомилетическое или экзегетическое употребленіе книги (отдѣлы на подобіе нашихъ церковныхъ зачалъ).

Но если въ книгѣ Пѣснь Пѣсней нѣтъ настоящаго драматическаго дѣйствія, то есть въ ней полное и живое, органическое единство основной идеи, развивающейся на всемъ ея протяженіи: защитить это единство книги думали, между прочимъ, сторонники теоріи драмы противъ сторонниковъ фрагментальной теоріи, по которой П. П. представляетъ рядъ безсвязныхъ отрывковъ или фрагментовъ пѣсеннаго характера. Единство и цѣльность книги безспорно доказывается слѣдующими данными:

- 1) Единствомъ дѣйствующихъ въ пѣсни лицъ: не только главные лица—Женихъ и Невѣста, Соломонъ и Суламита, но и второстепенныя лица, дочери Иерусалима, являются во всѣхъ частяхъ книги съ одними и тѣми же характерами, стремленіями и задачами и въ одинаковой обстановкѣ. Напр. имя Соломона или „царя“ (т. е. тоже Соломона) проходитъ чрезъ всю книгу (I, 3. 4. II, 3. 7. 9. 11, VIII, 11. 12); равнымъ образомъ—„дщери Иерусалимскія“ (I, 4. II, 7. III, 5--V, 8. 16. VIII, 4); упоминается не однократно о матери Суламиты, но не объ отцѣ ея (I, 5. III, 4. VIII, 2).
- 2) Единствомъ литературныхъ пріемовъ писателя во всѣхъ частяхъ книги. Свящ. писатель разъ выработалъ свои особенныя выраженія и разсѣялъ ихъ по всѣмъ частямъ книги; многія выраженія не разъ повторяются въ разныхъ отдѣлахъ съ буквальною почти точностью. Таковы, напр., эпитеты: „прекраснѣйшая изъ женщинъ“,—„тотъ, кого любитъ душа моя“; или—три раза повторяемое заклятіе къ Иерусалимскимъ женщинамъ не будить любовь (II, 7. III, 5. VIII, 3), или—троекратный

вопросъ: „кто эта“... (III, 6. VI, 10. VIII, 5) и др. 3) Наконецъ, особенно — единствомъ и постепенностію развитія основного содержанія книги и частныхъ ея подробностей. Чувство любви Невѣсты къ Жениху въ началѣ является какъ бы въ зародышѣ, неувѣреннымъ и неопредѣленнымъ (I, 1—3. 6—7), а въ концѣ становится крѣпкою, какъ смерть, настоящимъ божественнымъ пламенемъ, которое ничто не можетъ потушить (VIII, 6—8); и сама Невѣста, прежде несовершенная (I, 4), теперь достигаетъ полноты и совершенства (VIII, 10). Можно наблюдать въ пѣсни смѣну временъ года: зимы, весны (II, 11—13), лѣта (IV, 11. VI, 11) и осени (VII, 8—9).

Если къ сказанному о внутреннемъ единствѣ книги Пѣснь Пѣсней присоединить, что и въ языкѣ ея наблюдается такое же единство въ словоупотребленіи въ разныхъ ея частяхъ, то отпадаетъ всякое основаніе къ дробленію книги на какія-либо, тѣмъ болѣе разновременнаго происхожденія, перикопы или фрагменты. Съ тѣмъ вмѣстѣ теряетъ всякій смыслъ отрицаніе происхожденія книги отъ Соломона, такъ распространенное на западѣ. (По мнѣнію, напр. Кенига, о происхожденіи книги отъ Соломона не можетъ быть рѣчи въ виду того, что будто бы языкъ и идейное содержаніе книги указываютъ на начало послѣднѣшняго періода ¹⁾, Православная наука, напротивъ, не имѣетъ никакого побужденія отступать въ этомъ вопросѣ отъ свидѣтельства преданія, согласно которому писателемъ книги былъ именно мудрый царь Соломонъ. Преданіе это выразилось уже въ самомъ надписаніи книги, а также въ свидѣтельствѣ Талмуда (тр. *Baba batra*, fol. 14, b.), что книга Пѣснь Пѣсней была написана Соломономъ, но собрана и издана царемъ Езекию. Въ качествѣ Соломонова священнаго произведенія въ еврейскихъ синагогахъ издревле и доселѣ книга Пѣснь Пѣсней читается въ восьмой день еврейскаго праздника Пасхи. Традиція іудейская расходилась лишь въ рѣшеніи вопроса, когда, въ какомъ возрастѣ

¹⁾ *Ed. König* Einleitung in das Alte Testament mit Einschluss der Apocryphen und der Pseudepigraphen Alten Testaments. Bonn 1893, s. 422 ff. Иначе и ближе къ истинѣ судить о времени происхожденія книги Пѣснь Пѣсней другой нѣмецкій ученый. Густавъ Карпелесъ. Сопоставляя „Пѣснь Пѣсней“ съ извѣстною похвалою добродѣтельной жевъ въ книгѣ Притчей гл. XXXI, Г. Карпелесъ говоритъ: „Нельзя предположить, что этотъ гимнъ въ хвалу добродѣтельной жены, и „Пѣснь Пѣсней“, могли возникнуть въ одно и то же время. Въ гимнѣ какъ и во всѣхъ сентенціяхъ „Книги Притчей“ касательно жевщины и любви преобладаетъ вполне этический характеръ, въ „Пѣсни Пѣсней“—эстетическій; въ первомъ—настроеніе преимущественно нравственное, во второй—глубоко чувственное. Вѣншія и внутреннія причины, заставляютъ насъ принять, что гимнъ былъ включенъ въ сборникъ притчей уже позже, когда господствовали болѣе зрѣлыя воззрѣнія на жевщину и на ея значеніе, въ общественной жизни, составленіе же „Пѣсни Пѣсней“ послѣдовало вѣроятно непосредственно послѣ смерти Соломона, и написана она была въ сѣверной Палестинѣ“. Г. Карпелесъ. Исторія еврейской литературы. Русск. перев. подъ ред. А. Я. Гаркави. Томъ I. СПб. 1896, стр. 78. Но что вынуждаетъ изслѣдователя считать „Пѣснь Пѣсней“ написанною лишь „непосредственно послѣ смерти Соломона“, а не при жизни его и не имъ самимъ? Серьезныхъ основаній къ тому не существуетъ.

написаль Соломонъ Пѣснь Пѣсней: по мидрашу, Соломонъ написаль П. П. въ старческомъ возрастѣ, между тѣмъ преобладающимъ взглядомъ еврейской традиціи былъ тотъ, что „Пѣснь Пѣсней“ написана Соломономъ въ юности его, тогда какъ „Притчи“ — въ зрѣломъ его возрастѣ, а Екклезіастъ — въ старости. Послѣдній взглядъ предпочтительнѣе и преобладаетъ и въ христіанской церкви.

На русскомъ языкѣ относительно книги Пѣснь Пѣсней имѣются: 1) Переводъ книги съ еврейскаго текста—*архимандрита Макарія* (Глухарева) Христ. Чтен. 1871, I; 2) Переводъ ея съ греческаго LXX-ти—*Епископа Порфирія* (Успенскаго)—Труды Кіевской Духовной Академіи 1869 г., июнь, стр. 103 — 118; 3) Изъясненіе П. П. III, 6 и IV, 16 — въ „Воскресн. Чтен.“ г. V (1841, 159 — 160) и г. VII (1843), стр. 64; 4) Профессора СПБ. Духовн. Академіи *И. С. Якимова*, „О происхожденіи книги Пѣснь Пѣсней“—Христ. Чтен. 1887 г., т. I, стр. 569 слѣд. и 5) Профессора Кіевской Духовной Академіи *А. А. Олесницкаго*, „Книга Пѣснь Пѣсней и ея новѣйшіе критики“—въ „Труд. Кіев. Дух. Акад.“ 1881—1882 гг. и отдѣльно—Кіевъ 1882, стр. 387. Сочиненіе проф. А. А. Олесницкаго является капитальнѣйшимъ ученымъ произведеніемъ о книгѣ Пѣснь Пѣсней, не только стоящимъ на одномъ уровнѣ съ лучшими произведеніями западной ученой библіологической литературы, но и далеко превосходящимъ многія изъ нихъ. Въ этомъ сочиненіи авторъ не только очень обстоятельно изложилъ данныя преданія о каноническомъ характерѣ и способахъ изъясненія книги Пѣснь Пѣсней въ іудейской синагогѣ и христіанской церкви, и установилъ затѣмъ соотношеніе важнѣйшихъ древнихъ текстовъ книги, особенно еврейскаго—масоретскаго и греческаго—LXX; не только далъ полнѣйшее обозрѣніе и критическій разборъ многочисленныхъ взглядовъ и теорій ученыхъ библеистовъ запада касательно Пѣсни Пѣсней, но и представилъ въ заключеніе собственный оригинальный и талантливѣйшій опытъ изъясненія этой книги — „новый способъ разгадки Пѣсни Пѣсней“ (стр. 338—387). Остановливаясь на тѣхъ мѣстахъ книги (IV, 1—5. VI, 4 — 7. VII, 2 — 6), въ которыхъ дано наиболѣе подробное описаніе Невѣсты, проф. Олесницкій находитъ здѣсь слѣдующія особенности: во-первыхъ, анатомическую подробность въ перечисленіи отдѣльныхъ частей фигуры (уста, небо, языкъ, ноги, бедра, пупъ); во-вторыхъ, широкое, исключительное употребленіе при описаніи членовъ тѣла невѣсты разныхъ штриховъ изъ картинъ природы, причемъ послѣднія рѣшительно заслоняютъ собою чисто человѣческія черты („глаза твои — голуби“, I, 14. „Зубы твои—какъ стадо выстриженныхъ овецъ, выходящихъ изъ купальни, изъ которыхъ у каждой пара ягнятъ, и безплодной нѣтъ между ними „IV, 2; „шея твоя — башня Давидова, построенная для оружія...“ IV, 4 и мн. др.). Отсюда, „такъ какъ въ Пѣсни Пѣсней спорятъ между собою чисто человѣческій образъ невѣсты и картины природы и такъ какъ въ этомъ спорѣ за первенство картины природы одерживаютъ верхъ по силѣ и полнотѣ изображенія, то

первый шагъ къ разгадкѣ книги долженъ состоять въ новомъ освѣщеніи ея, какое дается перенесеніемъ центра тяжести изъ мнимаго основанія книги или человѣческаго образа невѣсты къ просмотру иному изслѣдователями дѣйствительному основанію или описанію природы“ (стр. 346). Возможность сравненія картинъ природы съ человѣческой фигурою невѣсты въ устахъ библейскаго поэта вполне понятна. По особому поэтическому міросозерцанію древнихъ евреевъ земля, какъ мать и кормилица всего живущаго, представляется женскимъ началомъ; отсюда названіе земли *ерецъ* женскаго рода. Отдѣльныя же страны или государства называются ея дочерьми или дѣвами, невѣстами: дѣва дочь Египта *Иер.* 46, 11; дѣва дочь Сидона *Ис.* 23, 12, дѣва дочь Вавилона *Ис.* 47, 1; но особенно часто у библейскихъ писателей этотъ образъ прилагается къ землѣ обѣтованной: дѣва дочь Израилева, дѣва дочь Іуды, дѣва дочь народа Моего (Іеговы) *Иер.* 14, 17, *Ис.* 10, 32. 37, 22 *Ам.* 5, 2 и пр.. Такимъ образомъ, если Пѣснь Пѣсней посвящена описанію природы, то привнесеніе въ это описаніе человѣческаго образа дѣвы-евреянки будетъ вполне понятно, гораздо болѣе въ духѣ древне-еврейскаго міровоззрѣнія, чѣмъ обратное привнесеніе картинъ природы въ поэтическое изображеніе человѣческой (женской) красоты.“ (стр. 348)

Группируя, затѣмъ, всѣ соединенныя въ книгѣ П. П. штрихи и картины природы (флора, фауна, неорганическое царство, продукты народнаго продовольствія, смѣны явленій дня и ночи, время годъ и т. д.), а также штрихи, изображающіе мѣстную человѣческую культуру (сторожевыя и военныя башни, арсеналы, города съ ихъ разнообразными принадлежностями), проф. Олесницкій приходитъ къ заключенію, что свящ. писатель П. П. имѣлъ изобразить собственно Палестину, именно подобнымъ же образомъ изображаемую во Второзаконіи (VI, 10 — 11. VIII, 7 — 10. XI, 9 — 12) и у пророковъ. Соотвѣтственно съ этимъ и женихъ Пѣсней Пѣсней (по изображенію V, 10 — 16), долженъ принадлежать видимой природѣ, по крайней мѣрѣ, открываться въ явленіяхъ видимой природы. Но въ то время какъ картины и штрихи, изображающіе невѣсту, вполне тяготеютъ къ низменной земной природѣ, штрихи, собранные въ образъ жениха, хотя соприкасаются съ землею, но сами принадлежатъ высшей эфирной области свѣта... По мѣрѣ того какъ мы всматриваемся въ эти залитыя свѣтомъ картины, человѣческій образъ жениха все болѣе тускнѣетъ и наконецъ превращается въ свѣтозарный образъ *солнца* (стр. 358). Какъ именно палестинская природа, невѣста П. П. стремится къ своему палестинскому солнцу (стр. 359). Но какъ невѣста есть не только палестинская земля, но и населяющій ее еврейскій народъ, такъ и женихъ есть не только благодѣтельная для земли физическая сила—солнце, но и сила политическая — царь, у пророка (*Иер.* XV, 9) поэтически называемый солнцемъ; частіе царь Соломонъ. Но высшею, благодѣявшею землѣ Палестинской и Израилю, силою была сила Божественная, которой были обязаны своимъ бытіемъ и дѣйствіемъ и физическая сила солнца и политическая—царя. Въ солнцѣ и

лазури возвышающійся надъ землею царь Соломонъ, какъ благодѣтельный геній страны, самъ собою вызывалъ въ мысли поэта образъ прославленнаго Мессіи, имѣющаго явиться въ облакахъ славы и завершить всѣ высшія премірныя благодѣянія народу“ (стр. 362).

Таково объясненіе проф. Олесничаго, подсказанное ему, по словамъ его, ѳвреемъ Тайяромъ и имъ самимъ лишь развитое. Какъ и всякая человѣческая теорія, оно не исключаетъ возраженій противъ себя, но, по нашему убѣжденію, оно основано на глубокомъ пониманіи восточнаго, частнѣе библейско-еврейскаго міросозерпанія, на глубокомъ проникновеніи въ духъ и смыслъ библейскихъ образовъ священныхъ писателей, и во всякомъ случаѣ, указываетъ надежный путь, по которому слѣдуетъ вести изслѣдованіе и изъясненіе книги Пѣснь Пѣсней.

Тою естественною почвою, на которой священный поэтъ и мудрецъ нарисовалъ несравненный по красотѣ и возвышенности образъ совершеннѣйшей пламенной любви человѣка и общества людей—Церкви къ Богу, является мощное чувство радости жизни, половая любовь и любовь къ природѣ. Едва ли не правъ Густавъ Карпелесъ, когда говоритъ о сюжетѣ книги Пѣснь Пѣсней: „Тамъ, среди бурь, пронесившихся въ народной жизни, вылилась эта пѣснь изъ сердца, въ которое веселая обстановка кинула самые свѣтлые лучи свои и въ которомъ жила удивительная способность видѣть, какъ нельзя яснѣе, какъ блещутъ цвѣты, какъ финиковое дерево пускаетъ свои почки, какъ подымается вверхъ виноградная лоза и какъ раскрывается цвѣтъ гранатовыхъ деревьевъ... Ни Греція, ни весь остальной востокъ никогда не производили, да и не могли произвести такую пѣснь любви. Если она такъ неизмѣримо возвышается надъ всѣми родственными ей созданіями, то это благодаря чудному гармоническому соединенію страстной чувственности и чистѣйшей нравственности, составляющему невидимое біеніе пульса всей пѣсни. Изобразить глубже и вѣрнѣе чисто-человѣческой любви невозможно... И рядомъ съ этими чарами любви на насъ дѣйствуютъ обаятельно въ этомъ стихотвореніи главнымъ образомъ идиллическія сцены изъ жизни на лонѣ природы: мы находимъ здѣсь такое очаровательное погруженіе во внѣшнюю, окружающую насъ, природу, какого не встрѣимъ во всей эротической поэзіи. Поэтъ вводитъ насъ въ цвѣтущую роскошную природу“ („Исторія еврейской литературы“ т. I, стр. 78—79) Надо лишь помнить, что и любовь къ природѣ и исторіи родного народа, и половая любовь и эстетическое чувство красоты, и наслажденія радостями жизни и самое стремленіе къ мудрости у священнаго писателя книги „Пѣснь Пѣсней“, какъ истиннаго теократа и раба Іеговы завершались въ религиозномъ чувствѣ и благоговѣннн предъ Іеговою. Хотя имя Божіе въ этой книгѣ (какъ и въ книгѣ Есѳиръ) по принятому еврейскому тексту, какъ и по древнимъ переводамъ книги, не встрѣчается, но религиозный духъ вѣетъ въ цѣломъ содержаніи книги и со всею очевидностью и силою выражается въ тѣхъ словахъ Невѣсты въ гл. VIII, ст. 6—7, которыя составляютъ главную, основную мысль всей

книги: „Положи меня какъ печать на сердце твое, какъ перстень, на руку твою, ибо крѣпка, какъ смерть, любовь, люта, какъ преисподняя, ревность; стрѣлы ея—стрѣлы огненные; она пламень весьма сильный (по болѣе точному переводу архим. Макарія: она пламень *Божій*). Большія воды не могутъ потушить любви, и рѣки не зальютъ ея. Если бы кто давалъ все богатство дома своего за любовь, то онъ былъ бы отвергнутъ съ презрѣніемъ“. Только священное пламя любви Божественной, освящающее своимъ небеснымъ прикосновеніемъ всякій видъ земной любви (ср. Іак. IV, 4—6), возвышаетъ „брачную пѣснь“ книги Пѣснь Пѣсней на степень высокаго религіознаго гимна, а самую книгу дѣлаетъ безсмертнымъ созданіемъ вдохновеннаго духа человѣческаго подъ воздѣйствіемъ Духа Божія.

Изъ безчисленныхъ опытовъ раздѣленія содержанія нашей книги мы принимаемъ, какъ болѣе естественное, дѣленіе цѣлой картины всего содержанія книги на слѣдующіе отдѣлы или частныя картны. Отдѣлъ первый: гл. I—II, ст. 7. Отдѣлъ второй: II, 8—III, 5. 3) III, 6—V, 1. 4) V, 2—VI, 3. 5) VI, 4—VII, 6. 6) VII—VIII, 4. 7) VIII, 5—14.

Книга Пѣсни Пѣсней Соломона.

Глава 1-я.

1. Да лобзаеть онъ меня лобза | лучше вина.
ниемъ усть своихъ! Ибо ласки твои |

I.

1—7. Невѣста, по имени Суламита (VI, 1), сначала въ монологѣ сама съ собою (ст. 1—3), а затѣмъ, въ обращеніи къ Иерусалимскимъ женщинамъ (ст. 4—7) выражаетъ свою пламенную любовь къ жениху и настойчивое исканіе его. 8—16. Только что явившійся Женихъ превозноситъ похвалами Невѣсту (ст. 8—10. 14) и въ свою очередь выслушиваетъ восторженныя похвалы себѣ съ ея стороны (ст. 11—13. 15—16):

1—3. Охваченная восторгомъ любви къ Жениху, отдавшись всѣмъ существомъ своимъ порыву и энтузіазму любви, Невѣста живетъ только мыслию о немъ, всѣми силами души стремится къ соединенію съ нимъ и невольно выражаетъ желаніе, чтобы Женихъ далъ ей осязательное проявленіе любви—лобзаніе: „да лобзаеть онъ—говоритъ Невѣста о своемъ Возлюбленномъ, не называя даже его по имени, такъ какъ для любящаго ея сердца предметъ любви слишкомъ пзвѣстенъ,—меня лобзаниемъ усть своихъ“! (ст. 1 а).

Половая человѣческая любовь есть взаимное притяженіе двухъ полярныхъ противоположностей. Но подобныя полярныя же противоположности существуютъ и вообще въ царствѣ природы, и въ жизни общественно-политической и въ религіозной; отсюда та страстная любовь и влеченіе къ Жениху, которое имѣетъ Невѣста—въ переносномъ или выносказательномъ смыслѣ можетъ означать: 1) стремленіе земли вообще и Палестинской природы въ частности къ солнцу, какъ источнику тепла, свѣта и жизни; 2) влеченіе страны наир. Палестины къ Царю, какъ нравственному солнцу страны; 3) наконецъ, и главнымъ образомъ, благодатно-таинственное стремленіе человечества или Церкви—ветхозавѣтной и новозавѣтной—къ соединенію съ Богомъ и Христомъ. Въ такомъ случаѣ указанное стремленіе Невѣсты къ соединенію съ Возлюбленнымъ будетъ означать пламенное желаніе членомъ Церкви ветхозавѣтной—пророковъ и вообще праведниковъ—лицезрѣть Самого Христа (св. Мѣ. XIII, 18—19). Такъ именно объясняется смыслъ словъ: „да лобзаеть онъ меня“ у Оригена—Иеронима: „Смыслъ этихъ словъ таковъ: доколѣ женихъ мой будетъ посылать мнѣ лобзанія чрезъ Моисея, доколѣ онъ будетъ давать мнѣ лобзанія чрезъ пророковъ? Я уже желаю коснуться его собственныихъ усть: пусть онъ самъ придетъ, пусть самъ свидѣтъ ко мнѣ“ (стр. 140). Что мысль о церкви или обществѣ вѣрующахъ въ его отношеніи къ Богу и Мессіи была ясно сознаана уже Давидомъ, видно изъ параллельнаго по содержанию Пѣсни Пѣсней псалма XLIV (евр. 45), предтѣзображающаго (особенно во второй своей половинѣ, ст. 10—18) благодатно-

2. Отъ благовоія мастей твоихъ | этому дѣвнцы любятъ тебя.
 имя твое, какъ разлитое миро, по-

таинственныя отношенія Христа и Церкви (см. „Толковую Псалтирь“ *Евѳимія Зигабена*, перев. съ греч. Изд. 3-е Кіевъ. 1907 г., стр. 347—363).

Ибо ласки твои лучше вина (16). Эти слова и весь ст. 2, какъ затѣи и ст. 3, представляютъ обоснованіе высказаннаго Невѣстою страстнаго желанія принятія лобзанія отъ своего Возлюбленнаго. Но здѣсь существуетъ разниа между еврейскимъ масоретскимъ текстомъ съ одной стороны и греческимъ, Вульгатою, слав. и русск. съ другой. Евр. додеха—ласки твои—въ обращеніи къ мужчинѣ,—какъ требуетъ того и послѣдовательность рѣчи. Однако чтеніе *дод* ласка, вѣроятнѣе всего, представляетъ уже важнѣйшую, тенденціозную корректуру первоначальнаго *дад* женскія груди, дѣйствительныя сосцы (ср. Из. XXIII, 3. С. Притч. V, 19), какъ и стоить въ текстѣ LXX: *μαστοί σου*, въ Вульгатѣ: *ubera tua*, славянск.: *сосца твои*. Предъ книжниками еврейскими здѣсь стояла трудность едва преодолимая. Сообразно съ общимъ взглядомъ еврейской синагоги на Пѣснь Пѣсней, какъ на изображеніе любви Бога къ общинѣ Израилевой, они должны были видѣть здѣсь обращеніе къ мужчинѣ (Вору), но этому противостояла кажущаяся неумѣстность въ такомъ сочетаніи слова *дад*; поэтому или измѣняли конкретное *дад* въ абстрактное *дод*, или же суффиксъ муж. р. (*ха*) измѣняли въ суффиксъ ж. р. (*х*), читая *дабайх*. Объ этомъ сохранилось прямое свидѣтельство Мишны (тр. *Абоѳа Зара*, гл. II, § 5).

Но съ точки зрѣнія болѣе широкаго символично-аллегорическаго пониманія идеи книги Пѣснь Пѣсней вполне приемлема и принимаемая у LXX, въ Вульгатѣ и славянск. конкретное значеніе, какъ символъ нѣжности любви и обилія благодѣйствъ, подаваемыхъ Возлюбленнымъ. Сравненіе любви съ виномъ указываетъ на полноту всяческой радости и веселія (ср. пс. CIII, 15).

„Отъ благовоія мастей твоихъ (архим. Макари: *масти твои пріятны для обоиянія) имя твое, какъ разлитое миро*“... (2 а). Слав.: *воня мира твоего паче всѣхъ ароматы, миро изліянное имя твое. Масти или миро, евр. шемен*, елей—также символъ радости, (Притч. XXI, 17) но чаще радости высшей, подаваемой благодатію (ср. пс. XLIV, 8—9. Ис. LXI, 3). „Помазаніе елей есть нашіе Святаго Духа. Ибо радостворецъ Святыи Духъ“ (Евѳим. Зигабенъ, стр. 854). Толкователей затрудняетъ пониманіе еврейскаго *турак*, передаваемаго у LXX: *ʾeħħewwōdēv*, *Vulg. effusum*, слав. изліянное, русск. разлитое (миро). Не лишено вѣроятія мнѣніе (Раабе, проф. Олесницкаго), по которому корень этого слова надо искать въ санскритскомъ *tagaka*—звѣзда, такъ что имя Возлюбленнаго будетъ совмѣщать въ себѣ все лучшее, что только есть въ мірѣ звѣздъ. „Многіе—читаемъ мы у Оригена—Иеронима,—пѣли ароматы. Царица южная поднесла ароматы Соломону, и многіе другіе обладали ароматами; но какіе бы кто ни имѣлъ ароматы, они не могутъ сравниться съ благовоіями Христа, о которыхъ невѣста нынѣ говоритъ: *благовоіе мастей твоихъ лучше всѣхъ ароматовъ*. Я думаю, что и Моисей, в Ааронѣ, и каждый изъ пророковъ имѣлъ ароматы. Но если я увижу Христа и почувствую пріятность и благовоіе мастей Его, то тотчасъ выскажу свое мнѣніе словами: *благовоіе мастей твоихъ выше всѣхъ ароматовъ*. Слова: *миро изліянное имя твое*—пророчественная тайна... Какъ миро чрезъ свое изліаніе далеко и широко распространяетъ благоуханіе: такъ распространено и имя Христово. По всей землѣ прославляется Христосъ, во всемъ мірѣ проповѣдуется Господь. Ибо миро изліянное имя Его. Теперь вѣдомо имя Моисей, извѣстность котораго прежде ограничивалась только тѣсными предѣлами Иудей... Но какъ скоро Исусъ возсіялъ въ мірѣ, Онъ вмѣстѣ съ собою вывелъ изъ неизвѣстности законъ и пророковъ, востанну исполнилось слово: *миро изліянное имя твое*“ (стр. 144—145). Сравненіе добраго имени съ благоухающимъ елеємъ и миромъ встрѣчается, вѣроятно, не безъ вліянія книги Пѣснь Пѣсней, еще въ Еккл. VII, 1. Ос. XIV, 7. 8. Спр. XLIX, 1 (не безъ значенія здѣсь была аллитерація словъ *шем* имя и *шемен*, масло, елей). Заключительныя слова ст. 2: „поэтому дѣвнцы любятъ тебя“ частію выражаютъ выводъ изъ раяѣ сказаннаго о совершенствахъ Жениха, частію образуютъ переходъ отъ монолога Невѣсты къ словамъ

3. Влеку меня, мы побѣдимъ за тобою;—царь введъ меня въ чертоги свои,—будемъ восхищаться и радоваться тобою, превозносить ласки твои больше, нежели вино; достойно любить тебя!

Дщери Иерусалимскія! черна я, но красива, какъ шатры Кидарскіе, какъ завѣсы Соломоновы.

5. Не смотрите на меня, что я

смугла, ибо солнце опалило меня: сыновья матери моей разгнѣвались на меня, поставили меня стеречь виноградники,—моего собственного виноградника я не стерегла.

6. Скажи мнѣ, ты, котораго любить душа моя: гдѣ пасешь ты? гдѣ отдыхаешь въ полдень? къ чему мнѣ быть скиталицею возлѣ стада товарищей твоихъ?

хора Иерусалимскихъ женщинъ—вѣроятно, придворныхъ Соломона (ср. ст. 4). Стихъ 3-й, составляющій развитіе и обоснованіе мысли конца ст. 2 поедставляетъ параллелизмъ послѣднему: страстное стремленіе Невѣсты къ Жениху выражается не только въ жаждѣ его поцѣлуевъ (ст. 1), но и въ дѣятельномъ стремленіи къ тѣснѣйшему соединенію съ нимъ, причемъ свой восторгъ и порывъ любви и влеченія къ Жениху Невѣста выражаетъ и выступающему теперь хору придворныхъ Иерусалимскихъ дѣвицъ. „Когда она просила отца жениха и обращалась непосредственно къ самому жениху, дѣвицы еще не было. Но во время ея бесѣды съ женихомъ входятъ хоръ дѣвицъ и рекомендуется ему словами невѣсты“ (Оригенъ—Иеронимъ, стр. 145—146).

Царь введъ меня съ чертоги свои. „Не говоритъ: введъ многихъ въ опочивальню свою. Многія остаются вѣкъ, въ опочивальню входятъ одна только невѣста, чтобы видѣть скрытыя и потаенныя сокровища и возлѣстятъ отроковицамъ: *введъ меня царь въ опочивальню свою*“¹⁾ (Оригенъ—Иеронимъ, тамъ же). Между тѣмъ отроковицы... по вступленіи невѣсты въ опочивальню жениха и во время разсмотрѣнія ею тамъ богатствъ мужа, пока ожидаютъ пришествія жениха, радостно поютъ: *возрадуемся и возвеселимся о тебѣ*. Онѣ радуются о совершенствѣ невѣсты. Въ добродѣтеляхъ нѣтъ зависти. Любовь эта чиста, безъ порока... Потомъ указывая на невѣсту, жениху: *правота возлюбила тебя*. Онѣ хвалятъ невѣсту, давая ей отъ собственныхъ ея добродѣтелей имя правоты“ (тамъ же, стр. 147). Конецъ ст. 3, впрочемъ, не одинаково читается въ разныхъ текстахъ LXX, какъ и Оригенъ, — *εὐδότης ἡγάπησε σε*, слав. правость возлюбилъ тя. Vulg. recti diligunt te. Но еврейское *мешарим* въ выраженіи евр. масор. *мешарим агевуха*, съ удобствомъ можетъ быть переведено варѣчіемъ: достойно (русск. синод. перев.) или: по справедливости (архим. Макарій), по аналогіи съ пс. LVII, 2. LXXIV, 3.

4—7. Замѣчаніе Невѣсты, обращенное къ дочерямъ Иерусалимскимъ: „черная я, но красива, какъ шатры Кидарскіе, какъ завѣсы Соломоновы“ (ст. 4) имѣетъ характеръ какъ бы нѣкоего оправданія или объясненія, вызваннаго, быть можетъ, какихъ-либо насмѣшливымъ словомъ кого-нибудь изъ „дщерей Иерусалимскихъ“ по поводу непосредственныхъ восторженныхъ изліній чувствъ Невѣсты и высказаннаго ею нѣкотораго незнакомства съ придворными этикетомъ. Изъ многихъ чертъ бѣды и обстановки Невѣсты она выступаетъ провинциалкою, недавно прибывшею въ среду придворныхъ дамъ Соломона. Объясняя свою черноту (ст. 4) или смуглость (ст. 5), Невѣста, во-первыхъ, сравниваетъ ее—въ отношеніи цвѣта—съ черными войлочными (козьей шерсти) шатрами Кидарянъ²⁾—народности, происходившей отъ Измаила (Быт. XV, 13) и частію кочевавшей, частію жившей открытыми поселками между Петрейской Аравіей и Вавилоніей (Ис. LX, 7. Иер. XLIX, 28—29: *Onomast.* 614);—а въ отношеніи красоты и привлекательности—съ завѣсами или павильонами Соломона (вѣроятно, имѣются въ виду царскія палатки Соломона во время его загороднаго лѣтняго путешествія,—на подобіе палатокъ вышитыхъ шейховъ арабскихъ). Причина черноты или

¹⁾ Слав. въ ложницу свою. Но ни еврейское *хедер*, ни греческое *τρυπητον* не обозначаютъ непременно спальни, а имѣютъ и болѣе общій смыслъ: внутренніе покои (ср. 2 Цар. XIII, 10 IV. 7).

²⁾ Евр. *хедар*, какъ и *хидрон* выражаетъ понятіе темноты, черноты.

7. Если ты не знаешь этого, прекраснѣйшая изъ женщинъ, то иди-сясь по слѣдамъ овецъ и паси ко-зла въ твоихъ подлѣ шатровъ пастушескихъ.

сжуглости указывается (ст. 5 а) въ дѣлствіи солнца. „Она (Невѣста) прекрасна, и можно даже указать, какъ прекрасна невѣста. Но мы спрашиваемъ, какимъ образомъ она, будучи черна и безъ бѣлизны, прекрасна? Она принесла покаяніе во грѣхахъ, обращеніе дало ей красоту, потому она воспѣвается прекрасною. Но такъ какъ она еще не очистилась отъ всей нечистоты грѣховъ, еще не омыта въ водѣ спасенія, то называется черною; однакоже она не остается навсегда въ черномъ цвѣтѣ. Она дѣлается бѣлою, когда стремится къ большему и отъ низкаго начинаетъ восходить къ высшему, и тогда говорится о ней: *кто сія восходящая убѣлена* 1) VIII, 5?“ (Оригенъ—Иеронимъ, стр. 147).

Подобнымъ же образомъ Мидрашъ противоположность черноты и красоты объясняетъ о многоразличныхъ грѣхопаденіяхъ и возстаніяхъ Израильской общины въ Ветхомъ Заветѣ, напр. о протпленіи евреевъ Богу въ Египтѣ (Іез. XX, 8) и — очищеніи изъ кровью пасхальнаго агнца и обрѣзаніемъ (Іез. XVI, 9),—о противоположности будней въ субботы, простыхъ дней года и дня очищенія, вѣка настоящаго и вѣка будущаго (Der Midrasch Schir-ha-Schirim, übers. v. A. Wünsche, Leipzig. 1880, s. 30).

Но противоположеніе Невѣсты — провинціалки „дщерямъ Иерусалискимъ“ позволяетъ видѣть въ первой не только иудейскую Синагогу, но и ту „языческую неплодную Церковь“, которая около времени Соломона обнаружила особенное стремленіе къ религиозному и всякому иному единенію съ Израилемъ (посѣщеніе Соломона Царицею Савскою. 3 Цар. X, 1—9, которая, по мнѣнію блаж. Теодорита, являлась образомъ всѣхъ благонамѣренныхъ и честныхъ язычниковъ оправдавшихся безъ закона по Апостолу Рим. II, 14—15. Блаж. Теодоритъ, Толков. на 3 книгу Царствъ, вопр. 83. См. Толковую Виблію, т. II стр. 413), въ виду чего Соломонъ молилъ Іегову, чтобы въ построенномъ имъ храмѣ Богъ благоволилъ принимать молитвы и язычниковъ. (3 Цар. VIII, 41—43). „Когда раздается голосъ Спасителя говорящаго: *царица южская возстанетъ на судъ съ родомъ своимъ и осудитъ его: яко прииде отъ конецъ земли слышати премудрость Соломонову и се болю Соломона здѣ* (Матѣ. XII, 42), то ты будь внимателевъ къ тайнамъ, которыя въ этихъ словахъ предлагаются. Отъ предѣловъ земли приходитъ царица южная, церковь, и осуждаетъ людей рода сего, т. е. Іудеевъ, преданныхъ плоти и крови. Она приходитъ отъ предѣловъ земли послушать мудрости Соломона, не того, который прославляется въ Ветхомъ Заветѣ, а того, который въ Евангеліи есть больше Соломона“. Оригенъ—Иеронимъ, стр. 149. Въ такомъ случаѣ противоположность наружнаго безобразія (языческаго быта) и внутренней красоты (душъ лучшихъ язычниковъ) выступаетъ съ особенною рельефностію.

Объясняя, далѣе, почему солнце особенно губительно повліяло на ея наружность. Невѣста указываетъ на то, что „сыны матери“ ея (т. е. сводные братья, Лев. XVIII, 9, XX, 11 или даже родные, Быт. XXVII, 29. Втор. XIII, 7) по недоброжелательству дали ей несродное и чуждое занятіе—сторожить чужой виноградникъ, пренебрегая собственнымъ (ст. 5). Только въ концѣ книгъ Невѣста говоритъ о цѣлости и всецѣлой приважденности ей ея виноградника (VIII, 12). Исторія дохристіанскаго міра, какъ въ іудействѣ, такъ и въ язычествѣ, изобилуетъ примѣрами того, какъ близкіе по плоти нерѣдко отклоняли истинныхъ читателей Бога и ревнителей правды Божіей отъ царскаго пути ихъ возвышенныхъ стремленій въ сторону занятій низменныхъ и дѣлъ недостойныхъ. Мидрашъ въ поясненіи словъ: „поставили меня стеречь виноградники“... говоритъ: „сдѣлали меня, говоритъ Моисей, судей споривъ дочерей Іоера, а „моего собственного виноградника я не стерегу“, т. е. не имѣлъ возможности принять на себя дѣло моихъ братьевъ въ Египтѣ“ (с. 34). Оригенъ изъ даннаго мѣста дѣлаетъ примѣненіе къ

1) „Убѣлена“ λελευκανθισμένη читается въ VIII, 5 только по тексту LXX и славянскому.

8. Кобылицъ моей въ колесницѣхъ фараоновой я уподобилъ тебя, возлюбленная моя.

9. Прекрасны ланиты твои подвѣсками, шея твоя въ ожерельяхъ;

10. золотыя подвѣски мы сдѣлаемъ тебѣ съ серебранными блестя-

ками.

11. Доколѣ царь былъ за столомъ своимъ, народъ мой издавалъ благоволеніе свое.

12. Мирровый пучекъ — возлюбленный мой у меня, у груди моей пребываетъ.

13. Какъ кисть кипера, возлюб-

начальной исторіи христіанской Церкви: „Посмотри на Павла, гонителя Церкви, и ты поймешь, какимъ образомъ сынъ ея матери враждовалъ противъ нея. Гонители церкви принесли покаяніе, и противники ея, возвратившись опять подъ знамена сестры, проповѣдывали вѣру, которую прежде опровергали“ (стр. 150).

Послѣ обращенія къ придворнымъ женщинамъ, Невѣста съ новою силою страсти обращается мыслію и всѣмъ существомъ опять къ Возлюбленному и, несмотря на его отсутствіе, говорить къ нему, какъ присутствующему, именно умоляетъ его открыть ей мѣсто, гдѣ онъ пасетъ, гдѣ со стадами отдыхаетъ въ полдень, чтобы ей не быть скитальцею (архим. Макарь: какъ бы „покрытою“, что болѣе точно соответствуетъ значенію евр. *ата*, ср. Быт. XXXVIII, 4. Лев. XIII, 46 и др.) при стадахъ его товарищей (ст. 6). На это получается не чуждыя ироніи отвѣтъ „дщерей Иерусалимскихъ“, что, разъ она не освѣдомлена о своемъ возлюбленномъ, то пусть до поры до времени пребываетъ со стадами другихъ пастуховъ (ст. 7). Ясно, что невинная Невѣста наввно почитаетъ Соломона пребывающимъ со стадами, даже пасущимъ ихъ, и именно это даетъ поводъ придворнымъ дамамъ Соломона къ ихъ недружелюбной ироніи. Это очень напоминаетъ обычно недружелюбное отношеніе иудеевъ къ прозелитамъ. Только такіе Богопросвѣщенные мужи, какъ пророки: Ілія, Елисей, Іона и др. понимали и осуществляли идею единенія Израіля со всѣмъ остальнымъ человечествомъ, по крайней мѣрѣ, съ лучшими представителями его (3 Цар. XVII, 8—23. Лук. IV, 25—26. 4 Цар. V, 1—19 и др.).

8—10. Появившіяся внезапно Соломонъ превозноситъ похвалами свою возлюбленную, сравнивая ее, въ отношеніи стройности, красоты, живости, съ конницею Фараона и надѣлая ее всевозможными драгоценностями. „Что это такое: „коньямъ моимъ въ колесницахъ Фараоновыхъ я уподобилъ тебя“? Я знаю, что всадникъ сей женихъ, какъ говоритъ пророкъ: „нѣзда его спасеніе“ (Авв. III, 8). Итакъ ты подобна коньямъ моимъ въ колесницахъ Фараоновыхъ. Насколько отлчаются кони, принадлежащія Мнѣ, Который есть Господь, и Который потоплялъ въ рѣкахъ Фараона, и начальниковъ его, и всадниковъ его, и копей его, и колесницы его (Исх. гл. XIV), отъ коней Фараона, настолько ты, невѣста, лучше всѣхъ дщерей“ (Оригенъ, стр. 153). — Въ ст. 9 (евр. 10) евр. *батторим* въ подвѣскахъ, LXX (читали: *катторим*) передаютъ ὡς τρυφῆς, слав. (прекрасны ланиты твои) яко горлицы, Vulg. sicut turturis. Въ эстетическомъ смыслѣ послѣднее чтеніе превмуществуетъ предъ первымъ, хотя параллелизмъ рѣчи говорить за масоретское чтеніе. Къ ст. 10 Оригенъ замѣчаетъ: „Послѣ сего женихъ находится на ложѣ, онъ почилъ, какъ левъ, какъ скинся лвовъ уснулъ (Быт. 49, 9), чтобы потомъ услышать: *кто возбудитъ его*. Между тѣмъ во время сна его являются товарищи жениха—ангелы и утѣшаютъ невѣсту такими словами: мы не можемъ сдѣлать тебѣ золотыхъ украшеній, ибо мы не такъ богаты, какъ женихъ твой, который подарилъ тебѣ золотое ожерелье“ (стр. 154).

11—13. Стихъ 11-й сторонники такъ называемой „гипотезы пастуха“ понимали, какъ обращеніе Невѣсты не къ Соломону, а къ другому (Эвальдъ, Вайнгингеръ и др.) своему возлюбленному—неизвестному пастуху, объясняя данный стихъ такъ: пока царь былъ въ отсутствіи (на охотѣ, на войнѣ, въ лагерѣ) и не отягощалъ меня своими ласками, я была счастлива воспоминаемъ о далекомъ другѣ. Но на самомъ дѣлѣ текстъ говорить не объ отсутствіи, а о присутствіи царя Соломона за столомъ своимъ (LXX: ἐν ἀνακλισει αὐτοῦ, Vulg. in cubitibus suis). Слав. на воскленіи своемъ), вообще

ленный мой у меня въ виноградникахъ Еггедскихъ.

14. О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна! глаза твои голубиные.

15. О, ты прекрасенъ, возлюбленный мой, и любезенъ! и ложе у насъ—зелень;

16. кровли домовъ нашихъ—кедры, потолки наши—кипарисы.

у своего домашняго очага. Поэтому въ ст. нужно видѣть рѣчь Невѣсты о любви своей именно къ Соломону, при чемъ эта любовь образно представляется подъ ароматомъ нарда. Нардъ (см. еще П. П. IV, 13—14)—благонное растеніе въ сѣверной и восточной Индіи изъ семейства валеріановыхъ (*Valeriana Nardostachys latamansi*), изъ котораго приготовлялось сильно благоухающее и весьма цѣнное масло (Іоанн. XII, 3 сл.), которымъ на востокѣ помазывались на прахѣхъ. Въ упоминаніи Невѣсты о благовопіи нарда (ст. 11) Оригенъ и Іеронимъ видятъ типическое изображеніе помазанія тѣла Спасителя Марією нардовымъ мвромъ незадолго до страданій (стр. 156—157). Но песточникомъ своего благовопія любви Невѣста представляетъ своего Возлюбленнаго, т. е. Соломона, котораго она сравниваетъ съ мировымъ пучкомъ у груди ея (ст. 12) пѣз кистью кипера, подобною кисти винограда въ садахъ Еггедскихъ (ст. 13). Мирра (евр. *мор.*) или смирна (греч.)—рѣзко благовопная смола, цвѣта нажелта-бѣлаго и красноватаго, въ жидкомъ и твердомъ видѣ; добывается изъ дерева (*Balsamodendron Myrrha Nees*), растущаго въ Индіи, Египтѣ и Нубіи, но, быть можетъ, Соломономъ разводившагося и въ своихъ садахъ (ср. П. П. IV, 6. 14. V, 1 см. Екклез. II, 5). Употреблялась для куреній и умащеній на прахѣхъ и въ спальняхъ богатыхъ женщинъ (П. П. V, 5. Ис. XLIV, 9. Прптч. VII, 17), какъ парфюмерное средство клалась (въ порошокъ) въ складки платья (ис. XLIV, 9). Затѣмъ, какъ у египтянъ смирна употреблялась при бальзамированіи, такъ у евреевъ, по крайней мѣрѣ, во время Іисуса Христа, трупы умершихъ умащались смирною. Особенно высокой сортъ смирны у грековъ назывался *стахтѣ* (см. П. П. I, 13 по LXX и слав. ст. 12).

Киперъ (евр. *кофер*, греч. *хѣпрос*) (ср. IV, 13), по-арабски Ал-хенна,—благовопный въ Египтѣ, Персіи, Аравіи, Остѣ-Индіи, въ ботаникѣ *Lawsonia alba*. Цвѣты кипера напоминаютъ грозды виноградной кисти, имѣютъ бѣложелтый цвѣтъ и запахъ, напоминающій запахъ резеды; любимые цвѣты восточной женщины. Изъ высушенныхъ и истолченныхъ лепестковъ приготовляются употребительнѣйшія на древнемъ и новомъ востокѣ румяна женщинъ. Кустарники кипера, вѣроятно, насажены были Соломономъ въ садахъ Еггедскихъ. Еггедъ или Ег Геди (I. Нав. XV, 62. Іез. XLIII, 10. 1 Цар. XXIV. Опомст. 401), теперь Айн-Джиди,—городъ на юго-востокѣ Палестины, на оазисѣ близъ западнаго берега Мертваго моря (См. „Толков. Виблю“ т. II, стр. 100 и 285).

14—16. Выраженная Невѣстою (ст. 11—13) иѣжность чувства любви къ Жениху вызываетъ у него (ст. 14) восторгъ отъ созерцанія ея красоты, при чемъ онъ сравниваетъ ее — со стороны ея чистоты, подвижности и привлекательной простоты и невинности—съ голубиной (см. V, 12, ср. „голубица мой“ II, 14. V, 2. VI, 9). (По Мидрашу, благочестивые Израильтяне въ посѣщеніяхъ своихъ храма въ праздники и во многихъ другихъ отношеніяхъ уподобляются голубямъ, с. 49—50). Оригенъ говоритъ: „Почему невѣста не говоритъ: „вотъ ты прекрасенъ, ближній мой“, а только: „вотъ ты прекрасенъ?“ и почему онъ не только говоритъ: „ты прекрасна“, но и ты прекрасна ближняя мой?“ Невѣста, если находится далеко отъ жениха, не прекрасна, она дѣлается прекрасною тогда, когда соединяется со Словомъ Божиимъ. И справедливо она теперь поучается отъ жениха тому, чтобы она была вполнѣ близка къ нему и не удалась отъ его бока“ (стр. 160). (Мидрашъ объясняетъ это тѣмъ, что Возлюбленный (Богъ) имѣетъ и другихъ народовъ, кромѣ Израиля, а Невѣста—Израиль—только Его одного считаетъ достойнымъ любви с. 51).

Въ ст. 15 Невѣста „слыша о себѣ такіа похвалы, взаимно воздаетъ жениху похвалами, свою хвалебную рѣчью не усвоивъ ему того, чего онъ не имѣетъ, а истинно уразумѣвая и созерцая красоту его“ (Оригенъ—Іеронимъ, стр. 161). Именно, восхи-

ГЛАВА 2-я.

1. Я нарцисъ Саронскій, лилія долинь! | 2. Чтѣ лилія между тернами, тѣ возлюбленная моя между дѣвцами.

ценная вниманіемъ къ себѣ царя, Невѣста хвалитъ красоту и любезность его, Возлюбленного своего, и зоветъ его, съ цѣлюю полного наслажденія, на лоно природы, гдѣ ложе — зелень, кровли домовъ изъ кедра и потолки изъ кипариса. „Изслѣдуя, какого свойства эти деревья, и замѣчая, что кедръ — дерево не гнѣющее, а кипарисъ имѣетъ весьма пріятный запахъ, стараясь и ты такъ устроить домъ свой, чтобы и о тебѣ могло быть сказано: *кровли домовъ нашихъ — кедры, а потолки наши — кипарисы*“. (Оригенъ — Иеронимъ, стр. 162).

II.

1—7. Третья строфа перваго отдѣла книги. Невѣста и Женнхъ взаимно обмѣниваются похвалами другъ другу, но затѣмъ подъ сильными впечатлѣніями пламенной любви Невѣста изнемогаетъ, испытываетъ какъ бы болѣзнь любви и наконецъ, погружаясь въ полусознательное состояніе, зачинаетъ дочерей іерусалимскихъ не будить любовь до тѣхъ норъ пока она не явится сама собою.—8—17. Описаніе Возлюбленного со стороны Невѣсты, весенній привѣтъ любви перваго къ послѣдней и обратно.

1. Выказавши выше (1, 15—16) призывъ Возлюбленному своему послѣдовать на лоно природы, Невѣста теперь скромно и себя саму представляетъ дитяею дѣятельной природы (какъ бы въ противоположность искусственному великолѣпію дворца Соломонова), восклицая о себѣ: „я — нарцисъ Саронскій, лилія долинь“. Евр. *хабаццелет* (встрѣч. еще въ Ис. XXXV, 1), переданное въ русск. перев. словомъ нарцисъ, имѣетъ, впрочемъ, неопредѣленное и скорѣе болѣе общее значеніе, какъ и стовтъ у LXX-ти: *ἄνθος τοῦ πεδίου*, Vulg. *flos campī*. Поэтому всѣ попытки — точно опредѣлить названіе этого цвѣтка: нарцисъ (уже таргумъ передаетъ: *наркос*), роза (Бѣтхеръ), тюльпанъ (Вайсингеръ) имѣютъ гадательное значеніе, по Гезеніусу это — (по терминологіи Ляннея) *Colchium autumnale*. Подъ именемъ Сарона Евсевій и Иеронимъ (Opomast. 834) различаютъ двѣ мѣстности: одну между Оаворомъ и моремъ Тиверіадскимъ (теперь Сарона къ сѣверу отъ вали ел — Бире), другую — болѣе извѣстную по побережью Средиземнаго моря и горамъ Израильскимъ отъ Іонніу до Кесаріи (1 Пар. XXVII, 29. Ис. XXXIII, 9. XXXV, 2). Можетъ быть, въ данномъ случаѣ въ виду близости первой мѣстности къ городу Сомау, роднѣй Невѣсты-Суламнты (ср. П. П. VII, 1), имѣется въ виду именно она. Евр. *шошан*. (ср. П. П. II. 16. IV, 5. V, 13. VI, 2. VII, 3) обыкновенно переводима (LXX: *κρίνον*, Vulg. *lilium*) и толкователями передается словомъ: лилія, хотя, вѣроятно, въ древности означало цвѣты не одной только породы и не только бѣлаго цвѣта (по П. П. V, 13, лилія имѣетъ красный или розовый цвѣтъ — въ родѣ *lilium tuberosum* у Плинія); по Гезеніусу, *Anemone coronaria*. Оригенъ, отвоя стихъ 1-й къ словамъ Женнхъ, комментируетъ ст. 1 такъ: „Ради меня, находящагося долу, Онъ — сходитъ въ долину, и, пришедши въ долину, дѣлается лиліею. Имѣсто древа жизни, которое насаждено было въ раю Божіемъ, Онъ сдѣлался цвѣткомъ дѣлаго поля, то есть, дѣлаго міра и всей земли. Ибо что можетъ быть цвѣткомъ міра въ такой степени, какъ нмя Христова?“ (стр. 163).

2. Если Невѣста только изъ скромности называетъ себя лиліею долинь (ст. 1), то Женнхъ сравненіе ея съ лиліею беретъ образомъ ея великой красоты и несравненнаго превосходства предъ всѣми другими придворными женщнами (ср. VI, 8—9). „Какъ лилія не можетъ быть сравниваема съ тернами, между которыми она всегда

3. Чтѣ яблонь между лѣсными деревьями, тѣ возлюбленный мой между юношами. Въ тѣни ея люблю я сидѣть, и плоды ея сладки для гортани моей.

4. Онъ ввелъ меня въ домъ пира, и знамя его надо мною—любовь.

5. Подкрѣпите меня виномъ, оживите меня яблоками, ибо я изнемогаю отъ любви.

появляется, такъ ближняя моя надъ всѣми дщерями есть то же, что лилія посреди терповъ“ (Оригенъ—Іеронимъ, стр. 163).

3. Отвѣтныя слова Невѣсты (ст. 3 а) представляютъ полную параллель похвалъ ей со стороны Жениха (ст. 2). Яблоною (евр. *תפוח*, греч. *μήλον*, лат. *malus*), какъ и ниже подъ яблоками (ст. 5 см. VIII, 5), разумѣется не наша яблоня, не имѣющая тѣхъ свойствъ плодовъ своихъ, которые усвоены плодамъ этой яблони (ст. 5), не растущая въ качествѣ лѣснаго дерева и вовсе не встрѣчающаяся въ Палестинѣ, а другое какое-то плодовое дерево: апельсиновое, лимонное или абрикосовое. Пребываніе въ тѣни этой яблони и вкушеніе ея плодовъ здѣсь, какъ и ниже (ст. 5 IV, 16. VII, 14) — образъ привлекательной близости и отрады ласкъ Возлюбленного. „Всѣ деревья, всѣ древесныя произрастанія въ сравненіи съ Словомъ Живимъ почитаются неплодоносными лѣсами. Для Христа все, что бы ты ни назвалъ, есть лѣсъ, и все бесплодно. Ибо что, въ сравненіи съ Нимъ, можетъ быть названо плодоноснымъ? Даже деревья, которыя, повидимому, гнутся отъ множества плодовъ, въ сравненіи съ пришествіемъ Его, оказываются бесплодными“ (Оригенъ—Іеронимъ, стр. 163).

4—5. „Онъ ввелъ меня въ домъ вина“ — выраженіе совершенно параллельное словамъ ст. 3 гл. I: „царь ввелъ меня въ чертоги свои“, но въ отличіе отъ этого мѣста, имѣетъ метафорическій смыслъ, образное выраженіе родственной мысли, какъ показывасть уже выраженіе (4 б): знамя его надо мною любовь“. Смыслъ тотъ, что пламенная любовь, подобно вопискому знамени, защищаетъ Невѣсту, развѣиваясь надъ ея главою (см. VI, 4. 10). Не столь ясно чтеніе ст. 4 по славянск. тексту „введите мя въ домъ вина, вчиняте ко мнѣ любовь“, представляющее точный переводъ съ греческаго текста. „Вино“ здѣсь берется въ ассоціаціи съ I, 1, 3, какъ образъ веселья, и „домъ вина“ (*Vulg. cella vinaria*), вопреки буквальному пониманію у многихъ новыхъ толкователей, есть только образъ полноты радостей любви. Мидрашъ истолковываетъ ст. 4 такъ: „Общество Израилево говоритъ: Богъ ввелъ меня въ великое виноградное точило, на Синай, и тамъ далъ мнѣ мое знамя,—законъ, заповѣди и добрыя дѣла, — и я приняла ихъ съ великою любовью“ (S. 59).

Преподанная выстатлѣнныя любовныхъ ласкъ Жениха, какъ бы опьяненная ихъ дѣйствіемъ (см. V, 8), Невѣста переживаетъ своеобразную болѣзнь любви, какъ бы рапая (LXX) или узвзленная (слав.) стрѣлою любви, почему, обращаясь къ дщерямъ іерусалимскимъ, она проситъ ихъ подкрѣпить ее виномъ (точнѣе: „пастылю“, какъ въ перев. архим. Макарія; евр. *אשוח* означаетъ именно пирожное изъ прессованныхъ ягодъ, вообще фруктовъ, ср. Ос. III, 1) и осветитъ яблоками (ст. 5).

По мнѣнію нѣкоторыхъ (Веттеръ и др.), здѣсь разумѣются особаго сорта яблоки, относительно которыхъ восточныя женщины, особенно обитательницы гаремовъ, были убѣждены въ связи ихъ съ половую любовью. Но вѣчто подобное назъ Вблѣн извѣстно лишь объ „яблокахъ любви“—мандрагорахъ (Быт. XXX, 14 сл. II. VII, 14). Мидрашъ вторую половину ст. 6 перефразируетъ такъ: „Община Израилева говоритъ предъ Богомъ: всѣ страданія, какія причиняютъ мнѣ народы, происходятъ только оттого, что я люблю Тебя“ (S. 60).

Оригенъ и Іеронимъ понимаютъ болѣзнь любви тоже въ нравственно-аллегорическомъ смыслѣ: „Какъ прекрасно, какъ привлекательно получить рану отъ любви! Иной пріянялъ въ себя стрѣлу плотской любви, другой узвзлелъ земною страстью; ты же обнажи члены свои и предоставь себя стрѣлѣ избранной, стрѣлѣ прекрасной, ибо стрѣлокъ есть Богъ (Ис. 49, 2. 6)... Этою стрѣлою были узвзлены тѣ, которые разсуждали между собою: не сердце ли наю горы бѣ въ наю, егда сказоваше намъ Писаніе (XXIV, 32)“ (стр. 167).

6. Лѣвая рука его у меня подъ головою, а правая обнимаетъ меня. вотъ, онъ идетъ, скачетъ по горамъ, прыгаетъ по холмамъ.
7. Заклинаю васъ, дщери Иерусалимскія, сернами или полевыми лаями: не будите и не тревожьте возлюбленной, доколѣ ей угодно. 9. Другъ мой похожъ на серну, или на молодого оленя. Вотъ, онъ стоитъ у насъ за стѣною, заглядываетъ въ окно, мелькаетъ сквозь рѣшетку.
8. Голосъ возлюбленнаго моего:

6. Данный стихъ представляетъ обоснованіе предыдущаго и содержитъ указаніе источника страстно и какъ бы болѣзненно развитой и напряженной любви: иѣжвѣйшая любовь и заботливость со стороны Возлюбленнаго обнимаютъ все существо и наполняютъ всю жизнь Невѣсты (сн. VIII, 3). „Слово Божіе держитъ премудрость и въ шуйцѣ и въ десницѣ, и премудрость эта, хотя по различію ея разумѣнія бываетъ многообразна, но въ своемъ источникѣ одна. Самъ Соломонъ учитъ о шуйцѣ и десницѣ Премудрости: *долгота бо жизни въ десницѣ ея, въ шуйцѣ же ея богатство и слава* Притч. III, 16. (Оригенъ—Иеронимъ, стр. 168. Сн. „Толков. Библ. т. IV, стр. 433).

7. Первый отдѣлъ книги заканчивается своеобразною клятвою или заклинаемъ, три раза встрѣчающимся въ книгѣ Пѣснь Пѣсней (II, 7. III, 5. VIII, 4) и болѣе вѣдѣ въ Писаніи, клятвою къ Иерусалимскимъ женщинамъ сернами или полевыми лаями не возбуждать любовь (а не „возлюбленную“, какъ въ Вулгатѣ и въ русск. синодальномъ и Архим. Макарія). пока она пробудится сама.

Формула клятвы „сернами или полевыми лаями“ по мазоретскому тексту подтверждается текстами: Сарскимъ, Вулгатою (per sarreas servosque satrapum) и русскимъ и заслуживаетъ предпочтенія предъ формулою греч. и слав. „въ силахъ и крѣпостяхъ села“. Основаніе своеобразной поэтической формы этой клятвы заключается не въ чемъ иномъ, какъ въ особенной граціи и красотѣ газелей и ланей, въ силу чего онѣ являются наиболѣе подходящимъ образомъ—женской красоты и милливидности (Притч. V, 19. Толков. Библ. т. IV, стр. 441), а вмѣстѣ и женской любви; особенно уместна и естественна такая клятва въ устахъ женщины и въ обращеніи къ женщинамъ же (во всѣхъ трехъ названныхъ случаяхъ: II. II, 7; III, 5; VIII, 4), которыхъ Невѣста настоятельно предостерегаетъ отъ соблазна преждевременно и искусственно вызывать и воспламенять въ себѣ пламя любви, напротивъ совѣтуетъ предоставить пробужденіе и развитіе этого чувства природѣ и Богу. Здѣсь—мораль всего отдѣла I, 1—II, 7: послѣдовательное развитіе чувства любви—отъ перваго исканія лобзаній Возлюбленнаго до полного изнеможенія любви послужило для Невѣсты основаніемъ сдѣлать упомянутое предостереженіе подругамъ. Указываемый ею законъ нормальной постепенности въ любви имѣетъ силу и въ аллегорическомъ толкованіи—въ примѣненіи содержанія книги къ природѣ, къ исторіи Израиля и къ исторіи спасенія. По объясненію проф. Олесницкаго, первый отдѣлъ книги Пѣснь Пѣсней можетъ быть названъ *зимнею* или *предвесеннею* иѣснью сѣванія обѣтованной земли о солнцѣ, уклонившемся отъ нея въ всеемъ зимнемъ теченіи а также иѣснью перваго, печальнаго періода въ исторіи Израиля—пробыванія въ Египтѣ и странствованія по пустынѣ (Цит. соч. стр. 368—369).

8—9. Новая картина открывается рядомъ воспоминаній Возлюбленной о блаженныхъ минутахъ имѣвшаго мѣсто ранѣ единенія ея съ Возлюбленнымъ. Монологъ Суламиты, передающій это свиданіе (II, 8—III, 5), по мнѣнію нѣкоторыхъ комментаторовъ, можетъ считаться написаннымъ раньше перваго отдѣла, такъ какъ въ немъ идетъ рѣчь о причинахъ, по которой Суламита разлучилась съ отцовскимъ домомъ; „авторъ поступилъ очень тонко, воспользовавшись предшествующими главному дѣйствию событиями только какъ первыми нитями для остальной ткани“ (*Карпелесъ*, стр. 81). Въ изображеніи въ ст. 8—9 Возлюбленнаго, отличающагося чрезвычайною живостью, выставляется на видъ величайшая подвижность и неуловимость Возлюбленнаго, такъ что невольно возникаетъ аналогія его съ быстро движущимися стихіями. „Второй отдѣлъ Пѣсни Пѣсней II, 7—III, 5, говоритъ проф. Олесницкій, въ отлічіе отъ перваго можетъ быть названъ *тѣсною весною*. Скрывавшаяся отъ земли солнце теперь само вызываетъ ее къ жизни.

10. Возлюбленный мой началъ говорить мнѣ: встань, возлюбленная моя, прекрасная моя, выйди!

11. Вотъ, зима уже прошла; дождь миновалъ, пересталъ;

12. цвѣты показались на землѣ; время пѣнія настало, и голосъ горлицы слышенъ въ странѣ нашей;

13. смоковницы распустили свои почки, и виноградныя лѣзы расцвѣтая издають благовоніе. Встань, возлюбленная моя, прекрасная моя, выйди!

14. Голубица моя въ ущельи скалы подъ кровомъ утеса! покажи мнѣ лице твое, дай мнѣ услышать голосъ твой, потому что голосъ твой сладокъ и лице твое пріятно.

15. Ловите намъ лисицъ, лисенятъ, которыя портятъ виноградники, а виноградники наши въ цвѣтѣ.

16. Возлюбленный мой принадлежитъ мнѣ, а я ему; онъ пасетъ между лиліями.

17. Доколѣ день дышетъ прогла-

Отдѣлъ начинается отрывочными словами „голосъ возлюбленнаго моего“. Женихъ находится въ такомъ отношеніи къ невѣстѣ, что она слышитъ только его голосъ, чувствуетъ его дыханіе, но не знаетъ откуда приходитъ и камо идетъ (Іоани. III, 8). Подобно невольному вѣтру и быстроногий серафъ, онъ пробѣгаетъ по странѣ, перескакиваетъ чрезъ горы и холмы. Въ отношеніи къ человѣческому образу Darstellungъ было бы весьма не естественно; но въ отношеніи къ вольному лучу солнца, не знающему препятствій ни въ горахъ, ни въ долинахъ, это въ высшей степени натурально. Прекрасно идетъ сюда и то, что говорится въ слѣдующемъ (9) стихѣ о возлюбленномъ, засматривающемъ изъ бѣгу въ окна, мелькающемъ сквозь рѣшетки домовъ“ (стр. 369). Еще болѣе удобопонятными отиѣченныя черты являются при типическомъ истолкованіи ихъ о Христѣ, какое даетъ Оригенъ (стр. 170 ср. Мидрашъ, стр. 67—68). Въ текстѣ LXX и слав. въ ст. 9 имѣется прибавка: *этл тѣ ѡр Ваѣѣл*, Веонльскихъ; въ др. текстахъ и переводахъ прибавка эта не находится для себя опоры.

10—13. Здѣсь имѣемъ законченную строфу, начинающуюся и оканчивающуюся приглашеніемъ Возлюбленнаго Невѣстѣ пользоваться прелестями наступившей весны, открывающейся въ Палестинѣ по минованіи „времени дождей“ (*эт-гешамим* 1 Езд. X, 9, 13), частіе подняго дождя (*малкои*). Весенний солнечный лучъ, пробуждающій природу, касающійся высокихъ палестинскихъ горъ, не забываетъ заглянуть и въ жилища человѣка. Встань, прекрасная моя, говоритъ онъ всему живущему во святой землѣ, пока оставитъ зимній покой и выступитъ на просторъ для новой жизни... Стихи 12—13 изображаютъ виѣшній видъ палестинской природы въ это время года, по преимуществу называвшееся мѣсяцемъ цвѣтовъ, *ziv*, подобно нашему мѣсяцу маю“. (*Олесницкій*, стр. 370). Священный поэтъ при этомъ выбираетъ такія черты весны — цвѣты, пѣніе, благоуханіе, — какія способны возбуждать любовь къ природѣ и людямъ. По нѣжной любви къ природѣ и свѣжему аромату, эта „весенняя пѣсня“ есть рѣдкое явленіе въ цѣлой древности.

14—16. „0, голубица моя, говоритъ Палестинѣ любующеся ею солище, дай мнѣ смотрѣть на лице твое и слышать голосъ твой“, очевидно, разумѣется то же лицо природы, покрытое цвѣтами, и тотъ же голосъ возвратившихся въ Палестину перелетныхъ птицъ, о которыхъ говорилось непосредственно предъ тѣмъ. Прибавочное выраженіе: „изъ подъ ущелій и скалъ и утесовъ“ (покажи лице твое)—самое точное описаніе грунта Палестины, покрытой суровыми скалами и только изъ долинъ и воды смотрящей свѣжестію и живизію“ (*Олесницкій*, стр. 370). Ст. 15 является совершенно неожиданнымъ вставкою, прерывающею діалогъ жениха и невѣсты; можетъ быть это отрывокъ пѣнія рабочихъ виноградника, приводимый Суламитю по воспоминанію о своей подневольной службѣ въ охраненіи виноградника (1, 5) Смыслъ стиха ясеви: „сила, покровительствующая Палестинѣ, не можетъ смотрѣть равнодушно на враговъ ея, кто бы они ни были, простыя лисицы или лисицы политическія“ (*Олесницкій*, стр. 370).

16—17. Съ ст. 16 данной главы по ст. 4-й главы 3-ей изображается отвѣтное—на призывъ Жениха, ст. 8—14,—стремленіе Невѣсты къ нему. Эпитетъ Возлюбленнаго

дою, и убѣгаютъ тѣни, возвратись, оленю, на разсѣлинахъ горъ.
 будь подобенъ сернѣ, или молодому

ГЛАВА 3-я.

1. На ложѣ моемъ ночью искала я того, котораго любить душа моя, искала его и не нашла его.

2. Встану же я, пойду по городу, по улицамъ и площадямъ и буду искать того, котораго любить душа моя; искала я его и не нашла его.

3. Встрѣтили меня стражи, обходящіе городъ: не видали ли вы того, котораго любить душа моя?

4. Но едва я отошла отъ нихъ, какъ нашла того, котораго любить

душа моя, ухватилась за него и не отпустила его, доколѣ не привела его въ домъ матери моей и во внутреннія комнаты родительницы моей.

5. Заклинаю васъ, дочери Иерусалимскія, сернами или полевыми ланями: не будите и не тревожьте возлюбленной, доколѣ ей угодно.

6. Кто эта, восходящая отъ пустыни какъ-бы столбы дыма, окуриваемая миррою и ѳиміамомъ, вся-

(ст. 16, св. VI, 2—3) „пасущій между лиліями“ лучше всего показываетъ, что Женить Пѣсь Пѣсней лишь въ несобственномъ смыслѣ на метафорически-поэтическомъ языкѣ называется пастухомъ. Невѣста высказываетъ крѣпкую увѣренность въ неизблемой твердости взаимныхъ чувствъ, любви, соединяющихъ ее съ Возлюбленнымъ (ст. 16, св. VII, 10). Однако сейчасъ же она предвидитъ и предстоящую разлуку съ нимъ и потому въ ст. 17-мъ, нѣбольшомъ отношеніи къ первымъ стихамъ слѣдующей главы, Она въ виду наступающаго заката солнца умоляетъ Возлюбленнаго скорѣе вернуться съ „горъ раздѣленія“ (евр. *gare—bater.*, LXX: τὰ ὄρη κοιλωμάτων, Vulg. montes Bether, слав. на горахъ юдолей). Подобный же оборотъ рѣчи рѣчи имѣеть мѣсто ниже въ IV, 6.

III.

1—5. Суламита ночью тревожно ищетъ своего Возлюбленнаго и наконецъ находитъ его. 6—11. Торжественный выходъ царя Соломона и торжество его бракосочетанія.

1—5. Все, что разсказывается здѣсь, происходитъ въ глубокую ночь (ст. 1) и относится болѣе къ грѣзамъ и сновидѣніямъ Сумалиты, чѣмъ къ дѣйствительности, въ которой, по библейско-еврейскимъ понятіямъ, было бы непристойнымъ для невѣсты искать жениха ночью по улицамъ города (вѣроятно, Иерусалима), ср. Притч. VII, 11. Гораздо болѣе удовлетворительный смыслъ даетъ аллегорическое объясненіе данной главы. „Возлюбленные (солнце и земля) разстались съ взыннымъ томленіемъ и скорбью. Особенно земля не можетъ успокоиться, ей тошно, ей не лежится на ложе. Стихи 1—2 третьей главы—прекрасное поэтическое изображеніе той скрытой борьбы, которая чувствуется въ палестинской природѣ ночью, того трепета, который стоитъ въ самомъ воздухѣ и дѣлаетъ все окружающее какъ бы дрожащимъ. Земля ищетъ солнца и—скоро найдетъ (весенняя ночь не длинна.) Отдѣлъ оканчивается, какъ и предшествующій, обращеніемъ къ населенію Палестины заклинаніемъ—не портить той гармоніи и любви, которыя царствуютъ въ княщей иedomъ и молокомъ палестинской природѣ“ (*Оленицкій*, стр. 370—371). Мидрашъ истолковываетъ данный отдѣлъ о религіозной и гражданской жизни Израиля во время ночей (т. е. плѣненій) египетской, вавилонской, ливійской, греческой и римской (с. 82).

6—11. Величественность изображаемой здѣсь картины побуждаетъ священнаго

кими порошками муроварника?

7. Вотъ одръ его — Соломона: шестьдесятъ сильныхъ вокругъ него, изъ сильныхъ Израилевыхъ.

8. Всѣ они держатъ по мечу, опытны въ бою; у каждаго мечъ при бедрѣ его ради страха ночного.

9. Носильный одръ сдѣлалъ себѣ царь Соломонъ изъ деревъ Ливанскихъ;

10. столбцы его сдѣлалъ изъ се-

ребра, локотники его изъ золота, сѣдалище его изъ пурпуровой ткани; внутренность его убрана съ любовью дочерьми Иерусалимскими.

11. Поидите и посмотрите, дочери Сионскія, на царя Соломона въ вѣнцѣ, которымъ увѣнчала его мать его въ день бракосочетанія его, въ день радостный для сердца его.

писателя вывести новую группу дѣйствующихъ лицъ, именно хоръ подругъ Невѣсты, восклицаніемъ ст. 6-го выражающихъ свои чувства восторга и удивленія предъ открывающимся здѣсь величественнымъ зрѣлищемъ. Общій смыслъ нарисованной здѣсь картины обыкновенно понимается такъ, что здѣсь изображается бракосочетаніе царя Соломона съ избранною Невѣстою Пѣсни Пѣсней, при чемъ въ ст. 6 представлено брачное шествіе Невѣсты, въ ст. 7—10—встрѣчный царскій поѣздъ жениха Соломона, а ст. 11 говоритъ о бракосочетаніи ихъ, какъ уже совершившемся фактѣ. Вопросъ или восклицаніе ст. 6 естественно относитъ именно къ Невѣстѣ в ея движенію, какъ могутъ подверждать это и параллели VI, 10 и VII, 5. Что касается ст. 6—10 то описаніе здѣсь одра евр. (*mitta*) или носильнаго одра (*anpuriôn*—греч. φορεῖον) и вся вообще, изображаемая здѣсь, обстановка параднаго выхода и всего придворнаго великолѣвія царя Соломона, вполне подтверждаются всѣмъ, что извѣстно о Соломонѣ изъ 3-й книги Царствъ и 2-ой Паралипоменонъ. Но нельзя не упомянуть здѣсь того объясненія, какое даетъ разсматриваемому отдѣлу III, 6—11 проф. А. А. Олесницкій съ точки зрѣнія своей, уже извѣстной намъ, теоріи о происхожденіи, смыслѣ и значеніи книги Пѣсни Пѣсней. „Сущность этой строфы, говоритъ онъ, есть поэтическое изображеніе восхода солнца, по которому, какъ мы видѣли въ предшествующей строфѣ, земля томила въ теченіе ночи... Изображеніе стиха шестого не можетъ имѣть никакого отношенія къ человѣческой фигурѣ; сравненіе человѣка съ столбами дыма была бы не изящно и не натурально. Солнце же палестинское, восходящее именно со стороны пустыни (такъ, называлась горная область Іудеи на востокъ отъ Іерусалима) среди сянгаго пара вѣчно стоящаго надъ моавитскими горами, для наблюдающаго съ іерусалимскихъ горъ является именно въ столбахъ дыма, названнаго у поэта благовоннымъ дымомъ мирры и инжіама, то есть, подобнымъ тому дыму, который дымился на жертвенникѣ храма (выходъ солнца встрѣчался сожженіемъ жертвы въ іерусалимскомъ храмѣ, стр. 371)“. Возраженіемъ противъ этого является женскій родъ мѣстоименія въ вопросѣ: „кто эта“... евр. *mitzot*) и отмѣченная нами параллельность ст. 6 двумъ другимъ мѣстамъ (VI, 10. VII, 5), въ которыхъ несомнѣнно имѣется въ виду невѣста. Первое возраженіе легко устраняется у проф. Олесницкаго указаніемъ на то, что евр. *שמעש* солнце въ древнѣйшемъ еврейскомъ языкѣ женскаго рода, что подтверждается вѣрждкою женскою конструкціою при нежъ глагола, напр. Быт. XV, 17. XIX, 23 въ *Ktib*, Наум. III, 17 (стр. 359). Но нѣкоторая неожиданность появленія въ рѣчи священнаго поэта подразумеваемаго (будто бы) *שמעש* остается въ силѣ. Однако посредствующимъ попятіемъ является мысль о царѣ Израильскомъ, а затѣмъ, какъ вершина всего имѣется въ виду и мысль о Мессіи. „Восхожденіе „обѣтованнаго“ (Ис. XXX, 26) солнца—говоритъ въ этомъ смыслѣ проф. Олесницкій,—можетъ означать только моментъ появленія ожидаемаго исполнителя судьбъ Божіихъ о Его землѣ и народѣ. И вотъ этотъ совершитель появляется въ лучахъ вещественнаго солнца и есть не кто другой, какъ царь Соломонъ, политическое солнце страны (*Solo-sp*—перс. sol солнце). Въ III, 7—11 говорится именно о восшествіи на престолъ Соломона и о торжественномъ появленіи его народу. Изображенія здѣсь необыкновенныя восилки, подобно колесницамъ въ VI, 12, служатъ вѣстѣи и царскимъ сѣдалищемъ и атрибутомъ солнца (4 Цар. XXI, 12)... Бракосочетаніе, о которомъ здѣсь говорится,

ГЛАВА 4-я.

1. О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна! глаза твои голубинные под кудрями твоими; волосы твои, как стадо козъ, скользящихъ съ горы Галаадской;

2. зубы твои, какъ стадо выстриженныхъ овецъ, выходящихъ изъ купальни, изъ которыхъ у каждой пара ягнятъ, и бесплодной нѣтъ между ними;

есть завѣтъ, заключаемый между царемъ и народомъ при вступленіи царя на престолъ, и вмѣстѣ поэтический завѣтъ солнца и земли, который поэты всѣхъ временъ и народовъ находили въ весеннемъ отношеніи солнца къ землѣ. Но это не все. Соединеніе двухъ образовъ восхожденія солнца и вступленіе на престолъ великаго царя должно было приводить въ сознаніе новый высшій образъ Мессіи Царя, котораго имя: *Востокъ, и Солнце Праведное*. По объясненію Мидраша (Midr. III, 11, с. 99), подъ царемъ упоминаемымъ въ III, 11, разумѣется царь—Мессія, поскольку только онъ можетъ привести въ гармонію явленія тепла и явленія холода, дѣйствія ангела зимы Млханла и ангела весны Гавриіла“ (стр. 372—373).

„Страхъ ночной“ (ст. 8)—боязнь призраковъ и под. существовалъ у евреевъ съ древнѣйшихъ временъ (Иов. IV, 14. Рѣч. III, 8. Притч. III, 23—25. Пс. XC, 5) до позднѣйшихъ (Матѳ. XIV, 26).

IV.

1—7. Похвалы царя своей новобрачной.—8—15. Признаніе царя въ своихъ чувствахъ къ ней и новыя похвалы ей.—16. Отвѣтное слово невѣсты.

1—6. Для изображенія красоты невѣсты священный поэтъ соединяетъ въ одинъ образъ многочисленныя и разнообразныя черты и штрихи природы, при чемъ послѣдніе рѣшительно преобладаютъ надъ чисто человѣческими чертами и отсюда не суть *puncta comparandi*, а именно принадлежатъ образу невѣсты, какъ особенно видно изъ ст. 12—15, гдѣ штрихи природы безъ посредства сравнительной частицы прямо представляются предикатами невѣсты. Здѣсь именно, какъ и въ другихъ частяхъ книги, оправдывается воззрѣніе проф. Олесницкаго, что центръ тяжести содержанія Пѣсни Пѣсней лежитъ не въ изображеніи человѣческой личности и ея фигуры, а въ изображеніи налестинской природы въ библейскій періодъ, періодъ обилія естественныхъ благъ и развитія матеріальной и духовной культуры въ странѣ обѣтованной. „Если доселѣ обѣтованная земля изображалась только въ сѣ отношеніяхъ къ солнцу и въ неясныхъ еще чертахъ, то теперь, въ періодъ полного ея лѣтнаго цвѣтенія, она описывается сама для себя, и при томъ въ чертахъ неприкровенныхъ. Красота изображаемой здѣсь невѣсты состоитъ въ стадахъ козъ лучшей галаадской породы, въ стадахъ многоплодныхъ овецъ, въ садахъ гранатовыхъ деревъ и всякихъ благовонныхъ кустарниковъ, въ получившихъ теперь особенную прелесть источникахъ живыхъ водъ, текущихъ съ горъ; невѣста дышетъ медомъ и молокомъ и благоухаетъ благоуханіемъ Ливана и запахомъ благословенныхъ Богомъ полей; прибавляетъ мидрашъ (4, 11) на основаніи Быт. XXVII, 27“ (проф. Олесницкій, стр. 373).

Таковъ общій смыслъ и таково общее содержаніе разсматриваемой (IV-я) главы. Далѣе, поясненія требуютъ отдѣльныя выраженія, особенно въ мѣстахъ, бывшихъ не вполне понятными уже для древнихъ переводчиковъ книги, и потому далеко неодинаково переданныхъ разными переводами.

Глаза твои голубинные (ст. 1), точнѣе съ евр.: глаза твои—голуби,—выраженіе, буквально повторяющее стоящее ранѣе I, 14. Но здѣсь при немъ стоитъ новое опредѣленіе—евр. *миббаад лецамматех*, повторяющееся (въ нѣсколько другомъ соче-

3. какъ лента алая губы твои, и уста твои любезны; какъ половинки гранатоваго яблока—ланиты твои подъ кудрями твоими;

4. шея твоя, какъ столбъ Давидовъ, сооруженный для оружіи, тысяча щитовъ висить на немъ—все щиты сильныхъ;

5. два сосца твои, какъ двойни

молодой серны, пасущіяся между лиліями.

6. Доколѣ день дышетъ прохладою; и убѣгаютъ тѣни, пойду я на гору мирровую и на холмъ еиміама.

7. Вся ты прекрасна, возлюбленная моя, и пятнá нѣтъ на тебѣ!

8. Со мною съ Ливана, невѣста!

таніи) еще два раза ст. 3 данной главы и ст. 7 гл. VI ѱ. Выраженіе это было непонятно уже для LXX, передавшихъ его во всѣхъ трехъ мѣстахъ темнымъ и неопредѣленнымъ выраженіемъ: *ἕκτος τῆς σιωπῆσεώς σου*, слав. *кромѣ замолчанія твоего*. Столь же неопредѣленно передается это мѣсто въ Вулгатахъ: *absque eo, quod intrinsecus latet* (IV, 1. 3) или: *absque occultis tuis* (VI, 7). Такимъ образомъ и LXX и Вулгата сообщаютъ разсматриваемому мѣсту смыслъ метафорическій, но выражаютъ его слишкомъ неясно. Мидрашъ (s. 103) считаетъ слово *миббаад* арабскимъ, соответствующимъ евр. глаголу *арах* идти, но и это словопроизводство не даетъ опредѣленнаго смысла; притомъ ближе нескать аналогіи слову *цамна* въ хилд. *цамам* или *цамцям* покрывать. Поэтому не вполне удаченъ и русскій синодальный переводъ: „подъ кудрями твоими“. Правильнѣе понизать *цамма* въ смыслѣ „покрова“, „покрывала“, какое значеніе это слово несомнѣнно имѣетъ въ Ис. XLVII, 2, и все выраженіе переводить съ архим. Макаріемъ: „въ-подъ покрывала твоего“.

Волоса невѣсты сравниваются (ст. 16) съ стадомъ козъ на горѣ Галаадской. Галаадомъ (ср. *Onomast.* 318) въ Вѣдліи называется вся страна къ востоку отъ Иордана, отъ потока Арноа до южныхъ склоновъ Ермона (Втор. XXXIV, 1; Ис. Нав. XXII, 9. 13. 15; Суд. XX, 1), а также, частіе, горная мѣстность отъ Ириука до возвышенности Есевона въ отличіе отъ равнины Васана (Ис. Нав. XVII, 1. 5; 4 Цар. X, 33); въ тѣсномъ же смыслѣ Галаадомъ назывались отдѣльные горные края, напр. Быт. XXXII, 21, какъ нынѣшніе: Джебелъ Джил'адъ, къ югу отъ Лавока, джевелъ Аджлунъ и др. Галаадъ вообще и особенно гористая часть его были годны для скотоводства, и скота здѣсь всегда водилось много (Чис. XXXII, 1; Іер. L, 19; Мих. VII, 14). Водились здѣсь во множествѣ и козы. Сравненіе волосъ съ стадомъ козъ имѣетъ цѣлью отмѣтить ихъ черной, блестящей цвѣтъ и шелковистую мягкость. Напротивъ, бѣлзна зубовъ (ст. 2) поясняется сравненіемъ съ волною бѣлыхъ (ср. Ис. I, 18) и гладко выстриженныхъ, а предварительно вымытыхъ овецъ.

Подъ башней или столпомъ Давида, съ которымъ сравнивается, вѣроятно, относительно стройности и гладкости, шея невѣсты (ст. 4), разумѣется башня, назначенная быть своего рода арсеналомъ и построенная Давидомъ гдѣ-либо на Сіонскомъ холмѣ. Назначеніе башни обозначено евр. словомъ *леталійот*. LXX не поняли значенія этого слова и оставили его безъ перевода: *εἰς θαλλίωθ'*; Vulg.: *cum propugnaculis*. Но еще р. Кнхви указалъ на родство второй части этого евр. слова съ *пэ уста, рлг. пійот*, остріе меча (ср. Притч. V, 4; Суд. III, 16); если же первую часть слова сблизить съ глаголомъ *тала* вѣшать, то вполне можно будетъ принять переводъ архим. Макарія: „столбъ Давидовъ, сооруженный для вѣшанія оружіи“.

Слова ст. 6 являются вполне параллельными ст. 17 гл. II ѱ и представляютъ какъ бы отвѣтъ жениха на высказанное тамъ предложеніе невѣсты.

Ст. 7 составляетъ заключеніе первой псалмной главы и содержитъ въ себѣ обообщеніе высказанныхъ доселѣ похвалъ совершенствамъ невѣсты: здѣсь она представляется свободною отъ всякаго недостатка или порока и полною всѣхъ совершенствъ. Это изображеніе невѣсты отразилось на представленномъ у св. Апостола образѣ совершенства Церкви (Ефес. V, 27), а въ церковно богослужебномъ употребленіи, какъ было уже упомянуто, перенесено было на чистѣйшій образъ Пренепорочной Дѣвы Богоматери.

8—16. Одушевленный любовью къ невѣстѣ, женихъ постоянно призываетъ ее

со мною иди съ Ливана! спѣши съ вершины Амана, съ вершины Сенира и Ермона, отъ логовищъ львиныхъ, отъ горъ барсовыхъ!

9. Плънила ты сердце мое, сестра моя, невѣста! плънила ты сердце мое однимъ взглядомъ очей твоихъ, однимъ ожерельемъ на шеѣ твоей.

10. О, какъ любезны ласки твои, сестра моя, невѣста! о, какъ много ласки твои лучше вина, и благоволеніе мастей твоихъ лучше всѣхъ ароматовъ!

11. Сотовый медъ каплетъ изъ устъ твоихъ, невѣста; медъ и молоко подъ языкомъ твоимъ, и бла-

гоуханіе одежды твоей подобно благоуханію Ливана!

12. Запертый садъ — сестра моя, невѣста, заключенный колодезь, запечатанный источникъ;

13. разсадники твои — садъ съ гранатовыми яблоками, съ превосходными плодами, киперы съ нардами,

14. нарды и шафранъ, анръ и корица со всякими благовонными деревьями, мирра и алой со всякими лучшими ароматами;

15. садовый источникъ — колодезь живыхъ водъ и потоки съ Ливана.

16. Поднимись *вѣтеръ* съ сѣвера

къ себѣ „съ Ливана, съ вершинъ Амана, Сенира и Ермона — отъ логовищъ львовъ и барсовъ“ (ст. 8), т. е. оставить дикія и величественныя горы возвышенности, близкія къ ея родицѣ — г. Сонаму и стремиться жить единою съ нимъ жизнью. Горы, названныя въ ст. 8, представляютъ отдѣльные горные кряжи въ горной цѣпи Ермона (или Аермона) и Ливана, причемъ Ермонъ есть еврейское названіе, соответствующее финикійско-ханаанейскому Сенриъ (Втор. III, 9; Onomast. 30). Слову Амана у LXX-ти придано нарицательное значеніе: ἀπὸ ἀρχῆς τῆς πίστεως, слав. изъ начала вѣры, что, по мнѣнію проф. Оленицкаго, оправдывается записаннымъ въ книгѣ Еноха преданіемъ о томъ, что первые вѣрующіе въ человѣчествѣ жили на горахъ Ливана (стр. 47).

Ст. 9—11 изображаютъ то восторженное впечатлѣніе, какое произвела на жену — царя невѣста своею привлекательною внѣшностью, а еще болѣе, конечно, своими духовными достоинствами (къ ст. 10 ср. П. П. I, 1). При этомъ особенная близость возлюбленной къ возлюбленному выражается не только названіемъ невѣста (ст. 8, 11), во и двойнымъ: „сестра моя невѣста“ (ст. 9, 10, 12). По замѣчанію Мидраша (IV, 10—11), Израиль десять разъ въ Писаніи названъ невѣстою: шесть разъ въ Пѣснѣ Пѣсней, и четыре раза у пророковъ, именно: три раза у Исаіи XLIX, 18; LXI, 10; LXII, 5, и одинъ разъ у Іереміи VII, 34, — по числу десяти заповѣдей; и эта невѣста наряжается въ 24 украшенія, поименованныя у Исаіи III, 18—23 — по числу священныхъ книгъ Ветхаго Завѣта (с. 123—124). Характеристика невѣсты въ ст. 11, какъ облущенной медомъ и молокомъ, сама собою напоминаетъ библейскую характеристику Святой Земли при Палестинѣ, какъ земли, текущей молокомъ и медомъ (Исх. III, 17 и др.). О благоуханіи Ливана ср. Ос. XIV, 7.

12.—15. Теперь женѣ начинать говорить о невѣстѣ въ третьемъ лицѣ, но тѣмъ съ болѣею щедростью воздаетъ ей похвалы. Смыслъ названій: „запертый садъ“, „заключенный колодезь“, „запечатанный источникъ“ уясняется изъ аналогіи Притч. V, 15—18, гдѣ источникъ является символомъ супружеской любви и ласки жены, которыми пользуется только ея мужъ и ни одинъ посторонній мужчина; слѣдовательно, названія эти характеризуютъ безусловную непорочность, чистоту и цѣломудріе невѣсты. Внѣстѣ съ тѣмъ, какъ показываютъ дальнѣйшіе стихи, 13—15, выраженія эти обозначаютъ и вообще плодородіе (ср. Ис. LVIII, 11), въ духовномъ смыслѣ — обиліе добродѣтелей невѣсты. Въ ст. 13 садъ въ подлинномъ текстѣ названъ *пардес*, словомъ, всего 3 раза встрѣчающимся въ Ветхомъ Завѣтѣ (еще Еккл. II, 5. Неем. II, 8). Это слово происходитъ, вѣроятно, отъ санскритскаго *parividaega*, сохранившагося въ греч. *παράδεισος*, рай; собственно: огражденное мѣсто, паркъ и т. п.

Ст. 16 — слова невѣсты, спѣвающей приготовить садъ свой къ приему друга: сѣверный и южный вѣтры (Вулг.: Aquilo, Auster) приглашаются всюду развѣять ароматы сада невѣсты, чтобы слава ея привлекла всѣ народы (ср. Ис. XLIV, 14—17).

и принесишь съ юга, повѣи на садъ мой,—и польются ароматы его! — Пусть придетъ возлюбленный мой въ садъ свой и вкушаетъ сладкіе плоды его.

ГЛАВА 5-я.

1. Пришелъ я въ садъ мой, сестра моя, невѣста; набралъ мирры моею съ ароматами моими, поѣлъ сотовъ моихъ съ медомъ моимъ, напился вина моего съ молокомъ моимъ. Ышите, друзья, пейте и насыщайтесь, возлюбленные!

2. Я сплю, а сердце мое бодрствуетъ; *вотъ*, голосъ моего возлюбленного, который стучится: отвори мнѣ, сестра моя, возлюбленная моя, голубица моя, чистая моя! потому-что голова моя вся покрыта росой, кудри мои—ночною влагою.

3. Я скинула хитонъ мой, какъ же мнѣ опять надѣвать его? я вымыла ноги мои; какъ же мнѣ мариать ихъ?

4. Возлюбленный мой протянулъ

руку свою сквозь скважину, и внутренность моя заволновалась отъ него.

5. Я встала, чтобъ отпереть возлюбленному моему, и съ рукъ моихъ капала мирра, и съ перстовъ моихъ мирра капала на ручки замка.

6. Отперла я возлюбленному моему, а возлюбленный мой повернулся и ушелъ. Души во мнѣ не стало, когда онъ говорилъ; я искала его и не находила его; звала его, и онъ не отзывался мнѣ.

7. Встрѣтили меня стражи, обходящіе городъ, избили меня, изранили меня; сняли съ меня покрывало стерегущіе стѣны.

Въ духовномъ, нравственно-психологическомъ смыслѣ „это—изображеніе души святой, преданной Богу. Благодатные дары, какъ благовонные цвѣты, украшаютъ ее; но она являютъ силу свою другимъ не прежде, какъ повѣсть на душевной вертоградъ тотъ Духъ, который *идеже хощетъ, дышетъ* (Іоанн. III, 8). Когда Ему угодно, облагодатствованная душа испускаетъ благоуханія,—животворитъ и радуется другимъ; когда не угодно, она есть *вертоградъ заключенъ*, и никто не знаетъ, какія сокровища таятъ въ ней“ („Воскресн. Чтев.“, г. V (1841—42 гг.), стр. 160).

V.

1. Пиръ возлюбленного.—2—7. Ночныя впечатлѣнія невѣсты въ исканіи своего друга. 8—16. Въ бесѣдѣ съ дѣвицами Иерусалимскими она превозноситъ похвалами своего друга.

I. Въ отвѣтъ на приглашеніе или псжеланіе невѣсты (IV, 16 б) возлюбленный приходитъ въ садъ свой, и изъ всѣхъ плодовъ и приностей его устрояетъ пиршество для гостей и друзей. Въ текстахъ LXX, слав. Вулг.: вторая половина ст. 16 го гл. IV-й отнесена къ 1-му ст. V-й и, что сообщаетъ большую цѣльность смежнымъ и родственнымъ мыслямъ, —оканчивающей одну главу и начинающей другую.

2—7. Въ словахъ: „Я сплю, сердце мое бодрствуетъ“ —дана вѣрная и точная характеристика пламенной любви, наполняющей все существо любящаго существа даже во время сна: одного слова возлюбленного достаточно для того, чтобы любящая его пробудилась отъ сна. Мидрашъ (с. 134 такъ перифразируетъ слова ст. 2-го: „Общество Израилево говоритъ прель Богомъ: Господь міра! я сплю и не исполняю заповѣ-

8. Заклинаю васъ дщери Іерусалимскія! если вы встрѣтите возлюбленнаго моего, что скажете вы ему? что я изнемогаю отъ любви.

9. Чѣмъ возлюбленный твой лучше другихъ возлюбленныхъ, прекраснѣйшая изъ женщинъ? Чѣмъ возлюбленный твой лучше другихъ, что ты такъ закликаешь насъ?

10. Возлюбленный мой бѣлъ и румянь, лучше десяти тысячъ другихъ:

11. голова его — чистое золото; кудри его волнистые, черные, какъ броня.

12. глаза его — какъ голуби при потокахъ водъ, купающіеся въ мо-

локъ, сидящіе въ довольствѣ;

13. щеки его — цвѣтникъ ароматный, гряды благовонныхъ растений; губы его — лиліи, источаютъ текучую мирру;

14. руки его — золотые кругляки, усаженные топазами; животъ его — какъ изваяніе изъ слоновой кости, обложенное сапфирами;

15. голени его — мраморные столбы, поставленные на золотыхъ подножіяхъ; видъ его подобенъ Ливану, величественъ, какъ кедръ;

16. уста его — сладость, и весь онъ — любезность. Вотъ кто возлюбленный мой, и вотъ кто другъ мой, дщери Іерусалимскія!

дѣй, но сердце мое бодрствуетъ, оно возбуждено любовью къ людямъ; я сплю, не говорю о благотворительности, но сердце мое бодрствуетъ, чтобы совершать ее, я сплю — я опускаю жертвоприношенія, но сердце мое бдитъ, благоговѣнно настроенное къ чтенію „шема“ и молитвы; я сплю — не иду въ храмъ, но сердце мое бдитъ — стремится въ синагоги и школы; я сплю — не рассчитываю (конца страданій), но мое сердце бдитъ, — пламенно желаетъ избавленія, и сердце Божіе бдитъ — забыть меня“.

То, что далѣе говорится: 1) о медлительности и какъ бы неохотѣ невѣсты отпереть двери стучащемуся съ ночного холода въ дверь ея жениху (ст. 3) и 2) о внезапномъ исчезновеніи его послѣ того, какъ она отперла двери (ст. 6, ст. 5), является не вполне понятнымъ въ области человѣческихъ отношеній взаимной любви. Поэтому не лишено интереса и значенія разъясненіе этого мѣста проф. Олесницкимъ въ духѣ своей, известной намъ уже, теоріи. „Равнымъ утромъ, когда Палестина еще спитъ, восходящее солнце уже стучится въ ея дверь своими лучами, еще какъ бы влажными отъ ночной свѣжести и обильной лѣтней росы. Но теперь оно встрѣчаетъ уже не весеннюю легкую и поднижнюю жизнь, но жизнь, уже прельщенную продолжительнымъ ликованіемъ и лѣтнею отвѣчающую на зовъ дневного свѣтила. Солнце оскорбилось и, когда земля наконецъ проснулась, сокрылось въ сѣрой песчаной мглѣ, наступило частое въ Палестинѣ въ это время года явленіе самума, поэтически изображенное въ стихѣ 7-мъ. Землю встрѣчаютъ пѣвкіе стражи, которые бьютъ ее и насильственно срываютъ съ нея прекрасное покрывало ея растительности: разуміются тѣ созвѣздія, которыя, по древней космогоніи, служатъ причиною бурь и волненій на поверхности земли... Хотя и выше, въ весенней пѣснѣ (III, 3), Палестина встрѣчалась съ подобными же стражами, но тогда они не причиняли ей такого вреда, какъ теперь, среди лѣта, и прошли мимо молча (раннею весною явленія самума бываютъ слабы)... Среди неожиданной бури, взмывшей и обнажившей лицо всей страны, невѣста съ сожалѣніемъ мечтаетъ о сокрывшемся мирнонѣ и прекрасномъ солнцѣ и изображаетъ его въ поэтическомъ образѣ V, 10—16, черты и краски котораго наглядно обозначаютъ блескъ солнца и чистоту его лучей... Гдѣ же теперь твой женихъ — солнце? спрашиваютъ Палестину. Онъ сошелъ въ свои зѣврыне сады, но онъ все-таки мой, и я принадлежу ему по преимуществу (стр. 375—376).“

10—16. Послѣ встрѣчи Невѣсты съ дочерью Іерусалима и повторенія ею (ст. 8) уже известнаго заклинанія (ср. II, 7; III, 5) и отвѣтнаго возраженія съ ея стороны (ст. 9), Она съ великимъ энтузіазмомъ даетъ описаніе, ст. 10—16, несравненной красоты ея друга, причѣмъ „это описаніе, какъ и описаніе невѣсты, представляетъ нарочитый подборъ штриховъ и картинъ природы, заслоняющихъ черты человѣческаго образа, который однакожъ нуженъ былъ и здѣсь для того, чтобы отдѣльными штрихами сообразить единство впечатлѣній и чтобы образовать соответствіе другому человѣческому

ГЛАВА 6-я.

1. Куда пошелъ возлюбленный твой, прекраснѣйшая изъ женщинъ? куда обратился возлюбленный твой? мы поищемъ его съ тобою.

2. Мой возлюбленный пошелъ въ садъ свой, въ цвѣтники ароматные, чтобы пасти въ садахъ и собирать лиліи.

3. Я принадлежу возлюбленному

моему, а возлюбленный мой—мнѣ; онъ пасетъ между лиліями.

4. Прекрасна ты, возлюбленная моя, какъ Фирца, любезна, какъ Іерусалимъ, грозна какъ полки со знаменами.

5. Уклони очи твои отъ меня, потому что они волнуютъ меня.

образу. И здѣсь человѣческія черты стоятъ такъ близко, къ штрихамъ природы, что даже частица сравненія (какъ) между ними считается излишнею“ (*проф. Олеслицкій*, стр. 357—358). Вообще образъ Жениха рисуется здѣсь особенно смѣлыми сравненіями въ чисто восточномъ духѣ (голова его — чистое золото; кудри его — виноградныя вѣтви; глаза — голуби... щеки — цвѣтники ароматныя, губы — лиліи, голени — мраморныя столбы)...

Но именно эта гиперболичность изображенія Возлюбленнаго даетъ основаніе для перспективнаго изясненія этого образа. „По мѣрѣ того, какъ мы всматриваемся въ эти, залитыя свѣтомъ, картины, человѣческой образъ жениха все болѣе и болѣе тускнѣетъ и наконецъ превращается въ свѣтозарный образъ солнца“ (*проф. Олеслицкій*, стр. 358). „Но эта благотѣльная сила есть не одна только стихійная сила или видимое солнце, но и сила политическая, которую библейскіе писатели олицетворяли въ образѣ солнца Іерем. XV, 9) и представителямъ которой во время написанія Пѣсни Пѣсной былъ царь Соломонъ, шестикратно названный по имени въ вашей священной пѣснѣ“ (стр. 360). „Указаннымъ сочетаніемъ царя и солнца уже образовался въ мысли поэта такой высокой идеальной образъ, что къ нему весьма удобно было, безъ всякаго нарушенія единства картины, присоединить штрихи, опредѣляющіе благотѣющую стравѣ божественную силу. Въ солнцѣ и лазури возвышавшіяся надъ землею царь Соломонъ, какъ благотѣльный геній страны, самъ собою вызывалъ въ мысли поэта образъ прославленнаго Мессіи, имѣющаго явиться въ облакахъ славы и завершить всѣ высшія прѣжія благотѣнія народу“ (стр. 362).

VI.

1—3. Окопчаніе бесѣды Невѣсты съ Іерусалимскими женщинами о своемъ Возлюбленномъ. — 4 — 10. Новыя похвалы Соломона своей избранницѣ. — 11—12. Возлюбленная передаетъ какой-то начальный эпизодъ изъ исторіи своей любви.

1—3. На лишенный искренности, проинческій вопросъ Іерусалимскихъ женщинъ о мѣстопребываніи Жениха (ст. 1), Возлюбленная въ духѣ восточнаго остроумія отвѣчаетъ, что онъ занимается лишь любовью, собираетъ цвѣты для нея, и во всякомъ случаѣ всецѣло принадлежитъ ей (ст. 2—3, см. II. 16). Мидрашъ такъ комментируетъ (стр. 150) разсматриваемые стихи: „Народы міра говорятъ Израилю: куда ушелъ твой Возлюбленный отъ Египта, моря, Синаи? Что спрашиваете вы меня о немъ, — отвѣтло общество Израилево: что пользы вамъ спрашивать о немъ, какое участіе имѣете вы въ немъ? И не могу, — съ тѣхъ поръ какъ я съ нимъ соединилось — оставить Его, разлучиться отъ Него. Гдѣ бы Онъ ни былъ, Онъ придетъ ко мнѣ“.

4 — 5. Похвалы Соломона своей Невѣстѣ на этотъ разъ начинаются сравненіями: по дѣйствию цвѣтущей красотѣ ся онъ сравниваетъ ее съ Фирцею, по привлекательности въ эстетическомъ и нравственномъ отношеніяхъ — съ Іерусалимомъ, по нѣкоей

6. Волосы твои какъ стадо козъ, сходящихъ съ Галаада; зубы твои, какъ стадо овецъ выходящихъ изъ купальни, изъ которыхъ у каждой пара ягнятъ, и бесплодной нѣтъ между ними;

7. какъ половинки гранатаго яблока—ланиты твои подъ кудрями твоими.

8. Есть шестьдесятъ царицъ и восемьдесятъ наложницъ и дѣвицъ безъ числа,

9. но единственная -- она, голубица моя, чистая моя; единственная она у матери своей, отличенная у родителницы своей. Увидѣли

ее дѣвицы. и—превознесли ее, царицы, и наложницы, и—восхваляли ее.

10. Кто это блистающая, какъ заря, прекрасная, какъ луна, свѣтлая, какъ солнце, грозная, какъ полки со знаменами.

11. Я сошла въ орѣховый садъ посмотреть на зелень долины, поглядѣть, распустилась ли виноградная лоза, расцвѣли ли гранатовыя яблоки?

12. Не знаю, какъ душа моя влекла меня къ колесницамъ знатныхъ народа моего.

внушительность и внутренней силѣ—съ грознымъ ополченіемъ. Өирца (Onomast. 540)—ханаанскій городъ, взятый Исусомъ Навиномъ (I. Нав. XII, 24), при царствѣ израильскій отъ Геровама до Захврія, былъ столицею, и взятъ Амвриемъ (3 Цар. XV, 21, 33; XVI, 6—24); теперь селеніе Таллуза, въ 2 часахъ къ сѣверо-востоку отъ Наблуса (Сихема); славился красотой. LXX, слав. Вулг. замѣняетъ собственное имя Өирца нарицательнымъ: *עֲבוֹחָא*, благозленіе; *suavis*. Тенденцію къ нарицательному пониманію этого названія выказываетъ и Мидрашъ (стр. 152), когда въ разсматриваемомъ стихѣ усматриваетъ указаніе „на жертвы, чрезъ которые израильяне приобретаютъ благозленіе“ (Лев. I, 4). Сравненіе Невѣсты съ грозными полками, встрѣчающееся и ниже (ст. 10), указываетъ, повидному, на непобѣдимость Невѣсты чарами любви: напротивъ, сама она оказываетъ какъ бы магическое дѣйствіе на своего Возлюбленнаго, ст. 5.

6—7. Ся. IV, 2—3.

8—9. Здѣсь заключается безспорное указаніе на непосредственное отношеніе содержанія книги Пѣснь Пѣсней къ исторіи царя Израильскаго Соломона: какъ здѣсь ст. 8, такъ и 3 Цар. XI, 3 имѣемъ свидѣтельство о множествѣ женъ у Соломона; меньшее же число его женъ, показанное въ книгѣ Пѣснь Пѣсней, повидному, говорить о сравнительно раннемъ написаніи Соломоновыхъ нашей священной книги,—когда многоженство у него еще не развилось до степени страсти и не сопровождалось еще тѣми гибельными послѣдствіями, которыя имѣли мѣсто въ его старости (3 Цар. XI, 4 слѣд.).

Упомянутое о многихъ женахъ Соломона сдѣлано съ цѣлю отмѣтить высокое превосходство Суламити надъ всѣми ими; превосходство это признается даже всѣми соперницами ея (ст. 9). Въ этомъ отношеніи Суламита раздѣляетъ блаженную судьбу „добродѣтельной жены“ Притч. XXXI, 28.

10. Похвалу несравненнымъ достоинствамъ невѣсты священный поэтъ заканчиваетъ сравненіемъ ея съ величественнѣйшими явленіями природы—зарей, луною, даже солнцемъ, затѣмъ слѣдуетъ выше (ст. 4) употребленное сравненіе съ грозными полками. При этомъ сравненіе это, подобно III, 6 и VIII, 5, облечено въ форму вопросительнаго восклицанія: „кто это?“

11—12. Небольшой отдѣлъ, обнимающій два эти стиха съ присоединеніемъ 1-го стиха гл. VII-й, представляется особенно темнымъ и труднымъ для пониманія. Изъ многоразличныхъ толкованій этого мѣста мы избираемъ то, по которому здѣсь изображается событіе изъ жизни Суламиты, непосредственно предшествовавшее ея взятію ко двору Соломона. „Орѣховый садъ“, ср. *гиннат-эгоз* (ст. 11), находился несомнѣнно на родинѣ Суламиты: по Юсефу Флавію (Bell. Ind. III, 10, 8), орѣховыя деревья росли по берегамъ Тиверіадскаго озера, слѣдовательно, вблизи къ Сонаму—родинѣ Суламиты. Ст. 12. „Колесница“—символь царскаго великолѣпія и роскоши (ср. 1 Цар. VIII, 11),

ГЛАВА 7-я.

1. Оглянись, оглянись, Суламита! | на Суламиту, какъ на хороводъ
оглявись, оглянись,—и мы посмот- | Мананайскій?
римъ на тебя. Что вамъ смотрѣтъ | 2. О, какъ прекрасны ноги твои

быть влечену или поставлену на одну изъ такихъ колесницъ значить быть возвышену изъ низменнаго состоянiя въ состоянiе непосредственной близости къ царю (ср. Быт. XII, 43 сл.). Такимъ образомъ, здѣсь Суламита, переносясь мыслю въ даль прошлаго, какъ бы отказывается понять происшедшую въ ея судьбѣ рѣзкую пережѣну—переходъ отъ положенiя простой поселянки къ положенiю невѣсты царя и затѣмъ царицы. Выраженiе евр. текста „амми-надивъ“ переводы—LXX слав. Вулг. передаютъ собственнымъ именемъ Аммиадава (ср. Исх. VI, 23. Чис. VII, 1. Руо. IV, 19 и др.), причѣмъ нѣкоторые древнiе толкователи страннымъ образомъ усматривали здѣсь имя діавола. На самомъ же дѣлѣ здѣсь, согласно съ русскимъ синодальнымъ переводомъ и перев. архим. Макарія („колесницы знаменитыхъ въ народѣ мосемъ“), надо читать въ евр. т. два слова: амми-надивъ — нарицательнаго значенiя (какъ ниже въ VII, 2) и видѣтъ въ разсматриваемомъ стихѣ общую мысль о роскоши придворной жизни, причѣмъ слово *надивъ* можетъ имѣть и неодобрительный отбѣнокъ (въ смыслѣ насильника или тирана, какъ въ Іов. XXI, 28. Ис. XIII, 2).

VII.

1. Краткая бесѣда Суламиты съ іерусалимскими женщинами.—2—10а. Соломонъ еще разъ восторженно превозноситъ похвалами свою возлюбленную.—10б—14. Суламита твердо, безъ всякихъ колебанiй, исповѣдуетъ свою искреннюю любовь къ другу своему и свою безраздѣльную привязанность ему.

1. Въ этомъ стихѣ и только здѣсь невѣста книги Пѣсни Пѣсней названа по мѣсту своего рожденiя Суламита, LXX: *Σουδαμίτις* — помет *gentilicium* отъ имени Су-немъ евр. *Шунем* или *Сонамъ* — города въ Иссахаровомъ колѣнѣ (I. Нав. XIX, 18; 1 Цар. XXVIII, 4; 4 Цар. IV, 8), родины Ависаги (3 Цар. I, 3) и женщины благотворительницы прор. Елисея (4 Цар. IV, 8 слѣд.); теперь селенiе Солежъ къ сѣв. отъ Зеринъ (Леареель), *Opomast*. 890.

Этимъ именемъ называютъ невѣсту женщины іерусалимскія, выражая, вѣроятно, отбѣнокъ восхищенiя ея красотой. Въ отвѣтъ имъ С. скромно въ видѣ взаимнаго вопроса, смыслъ котораго таковъ: „стоитъ-ли такого вниманiя скромная деревенская дѣвушка, жительница незнатной Галилеи? она вѣдь не есть что-либо достойнѣе remarkable въ родѣ напримѣръ, хоровода Мананайскаго“. Мананаймъ или Маханаймъ—городъ на восточной сторонѣ Іордана въ колѣнѣ Гадовомъ (I. Нав. III, 26. 30; 2 Цар. II, 8. 12. 29 и др.), его отождествляютъ съ развалинами Махнехъ къ сѣверу отъ Іавока (*Opomast*. 688). Названiемъ своимъ мѣстность эта была обязана имѣвшему нѣкогда здѣсь мѣсто чудесному явленiю — видѣнному патриархомъ Іаковомъ ополченiю ангеловъ (Быт. XXXII, 2—3. См. у проф. *свящ. А. Глаголева*, Ветхозавѣтное библейское ученiе объ ангелахъ. Кіевъ. 1900, стр. 206. 210). LXX, Vulg. слав. даютъ нарицательное значенiе разсматриваемому слову: *χῆροι παρεμβολῶν*, *chori castrorum*, люди полковъ. Смыслъ сравненiя не воплиъ ясень: свѣдѣнiй о хороводахъ Маханайма мы не имѣемъ. Заслуживаетъ лишь полнаго вниманiя мнѣнiе (O. Цейклера и др.), усматривающее здѣсь историческое воспоминанiе объ упомянутомъ уже небесномъ ангельскомъ ополченiи, явившемся Іакову при возвращенiи его изъ Месопотамiй (Быт. XXXII, 2—3).

2—10а. Данное здѣсь изображенiе красотъ невѣсты въ общемъ напоминаетъ два прежнихъ описанiя ея: IV, 1—7; VI, 4—10. Но отличается отъ нихъ преобладающимъ

въ сандаляхъ, дщерь именитая!
Округленіе бедръ твоихъ, какъ
ожерелье, дѣло рукъ искуснаго ху-
дожника;

3. животъ твой—круглая чаша,
въ которой не истощается ароматное
вино; чрево твое—ворохъ пшеницы,
обставленный лиліями;

4. два сосца твои, какъ два коз-
ленка, двойни серны;

5. шея твоя, какъ столпъ изъ
слоновой кости; глаза твои—озерки
Есевонскія, что у воротъ Ватраб-
бима; носъ твой—башня Ливан-
ская, обращенная къ Дамаску;

6. голова твоя на тебѣ, какъ
Кармилъ, и волосы на головѣ тво-
ей, какъ пурпуръ; царь увлеченъ
твоими кудрями.

7. Какъ ты прекрасна, какъ при-
влекательна, возлюбленная, твою
милливидностью!

8. Этотъ станъ твой похожъ на

пальму, и груди твои на виноград-
ныя кисти.

9. Подумалъ я: влѣзъ бы я на
пальму, ухватился бы за вѣтви ея;
и груди твои были бы вмѣсто ки-
стей винограда, и запахъ отъ ноз-
дрей твоихъ, какъ отъ яблоковъ;

10. уста твои, какъ отличное вино.
Оно течетъ прямо къ другу моему,
улаживаетъ уста утомленныхъ.

11. Я принадлежу другу моему,
и ко мнѣ обращено желаніе его.

12. Приди, возлюбленный мой,
выйдемъ въ поле, побудемъ въ се-
лахъ;

13. поутру пойдемъ въ виноград-
ники, посмотримъ, распустилась ли
виноградная лоза, раскрылись ли
почки, расцвѣли ли гранатовыя
яблони; тамъ я окажу ласки мои
тебѣ.

14. Мандрагоры уже пустили бла-

чувственнымъ характеромъ (описание начинается снизу—съ ногъ и бедръ); при обиліи
здѣсь самыхъ смѣлыхъ сравненій въ чисто восточномъ духѣ (ст. 2--6), реалиямъ кар-
тины достигаютъ высшей степени и даже переходятъ всякую мѣру (ст. 9). Ст. 3—4
сн. IV, 4—5. Въ ст. 5 Есевонъ и Ватраббимъ—синонимы. Именемъ Есевона (Чис.
XXI, 26 сн. Втор. I, 4 и др. *Opomast.* 454) называлась столица Амореевъ, а затѣмъ
моавитявъ, при I. Навигѣ назначенная въ удѣлъ колѣну Гадову (I. Нав. XIII, 26),
теперь Хесбанъ къ юго-западу отъ Аммана. *Ватраббим* (у Кенник. код. 77) или
Ватраббим, у LXX: *θουατρὸς κολλῶν*, слав. дщерей многихъ, *Vulg.*: *filiae multitu-
dinis*, указываетъ на большую населенность Есевона. Дамаскъ—главный городъ Сирія
(Ис. VII, 8), завоеванный Давидомъ (2 Цар. VIII, 6), теперь Диматкъ—ени—Шахъ
(*Opomast.* 378).

По объясненію проф. Олесницкаго, рассматриваемая глава и вообще отдѣлъ
VI, 4—VIII, 4 представляетъ „осеннюю пѣснь обѣтованной земли, теперь переноси-
мой виолнѣ уже созрѣвшими плодами и политически окрѣпшей (годовымъ сезонамъ про-
тивостоятъ здѣсь періоды исторіи евреевъ, какъ это признаютъ Таргумъ и Мидрашъ).
Палестина покрыта стадами козъ такъ густо, какъ голова человѣка волосами; ея со-
зрѣвшія гранатовыя яблоки рдѣютъ какъ дѣвчьи ланиты; ея точила полны готоваго
лучшаго вина и проч. Особенно здѣсь выставляется на видъ сопоставленіе неврѣсты съ
пальмою, съ ея *осенними* плодами, чего въ предшествующихъ пѣсняхъ мы не замѣ-
чали... При этомъ естественномъ богатствѣ и величіи, Палестина сильна политически:
на ней красуются прекрасныя и сильныя города, напр.: Иерусалимъ, Тирца, Дамасская
крѣпость, ея бранныя поля выступаютъ стройно, подобно хоровадамъ (VIII, 1 ио LXX).
Образъ плодотворной пальмы, служащей показателемъ богатства созрѣвшихъ земныхъ пло-
довъ, обозначаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ высокое значеніе Палестины, какъ политической
единицы; въ такомъ значеніи фигурируетъ пальма между изображеніями іерусалимскаго
храма“ (стр. 376—377).

106--14. Въ отвѣтъ на пышныя и частію неизумренныя похвалы совершенствамъ
неврѣсты, она съѣшию и воровисто заявляетъ, что она со всѣми своими достоинствами
и совершенствами всецѣло принадлежитъ другу своему (ст. 106—11), котораго она
теперь настойчиво зоветъ на лоно природы, чтобы насладиться ея красотою и произне-

говоніе, и у дверей нашихъ вся- | старые; это сберегла я для тебя,
кіе превосходные плоды, новые и | мой возлюбленный!

ГЛАВА 8-я.

1. О, еслибы ты былъ мнѣ братъ, сосавшій груди матери моеи! тогда я, встрѣтивши тебя на улицѣ, цѣловала бы тебя, и меня не осуждали бы.

2. Повела бы я тебя, привела бы тебя въ домъ матери моеи. Ты училъ бы меня, а я поила бы тебя

ароматнымъ виномъ, сокомъ гранатовыхъ яблоковъ моихъ.

3. Лѣвая рука его у меня подъ голову, а правая обнимаетъ меня.

4. Заклинаю васъ, дщери Іерусалимскія,—не будите и не тревожите возлюбленной, доколѣ ей угодно.

дененіямъ (ст. 12—14). При этомъ благовоіе, разливаемое въ саду мандрагорами — этими „яблоками любви“, — символизируетъ силу и живенность ея любви къ своему другу, (ст. 14а), а ея мудрая заботливость о немъ и житейская ея опытность свидѣлствуются обиліемъ и разнообразіемъ сбереженныхъ ею для него прекрасныхъ плодовъ (14б). Мандрагоры, евр. *дудайм*, — извѣстное на древнемъ и современномъ востокѣ растеніе *Atropa Mandragora* или *Mandragora vernalis* изъ породы Белладонны, съ небольшими блѣднозелеными и красноватыми цвѣтками на стволахъ величиною до 1 метра; въ маѣ или іюнѣ на немъ появляются маленькія желтыя, сильно пахнуція яблоки, которыя, по свидѣтельству Плинія, у арабовъ употреблялись въ пищу, хотя и производили снотворное дѣйствіе. Древній и новый востокъ, классическая древность и всѣ средніе вѣка до новѣйшихъ временъ приписывали мандрагорамъ чародѣйную силу искусственнаго возбужденія половой любви и также оплодотворенія бесплодныхъ долотѣ супруговъ. Это вѣроваіе служить основаніемъ разсказа Быт. XXX, 14 — 16. Въ устахъ же невинной Суламиты это упоминаніе о мандрагорахъ (какъ вмѣстѣ и о плодахъ) есть простой символъ истинной любви, силу которой она затѣиъ (VIII, 6—7) неподражаемо изображаетъ.

VIII.

1—4. Возлюбленная выражаетъ страстное желаніе, чтобы ея отношенія къ Возлюбленному получили характеръ большей простоты и интимности.—5—7. Пламенное исповѣданіе Суламиты несравненной силы истинной любви.—8—10. О сестрѣ Суламиты.—11—12. Воспоминаніе ея о своемъ первобытномъ состояніи.—13—14. Въ заключеніе она вновь зоветъ своего друга, слыша и отъ него соответствующій призывъ,—стремиться на лоно природы для всецѣлаго наслажденія блаженствомъ любви.

1—4. Нормальная половая любовь, хотя и отлична по природѣ и характеру отъ любви по крови и свойству, но въ отношеніи интимности, простоты и непосредственности, первая естественно беретъ за образецъ вторую; и потому какъ Женяхъ книги Пѣсни Пѣсней не разъ именовалъ Невѣсту сестрою (*ахот*, IV, 12), такъ и Невѣста, не удовлетворяясь положеніемъ своимъ — первой изъ царихъ (VI, 8 — 9), жаждетъ тѣснѣйшаго невозбраннаго общенія съ своимъ Женяхомъ — на подобіе ласкъ сестры и брата. При этомъ главенствовать долженъ Женяхъ — братъ — овъ долженъ учить Невѣсту — сестру (ст. 2), а она должна дарить ему беззаветную любовь и преданность. Ст. 3 повторяетъ сказанное въ ст. 6 гл. II-ой. По объясненію проф. Олесницкаго, въ разсматриваемыхъ стихахъ „земля, совершившая свой лѣтній трудъ и сдавшая свои плоды,

5. Кто это восходитъ отъ пустыни, опираясь на своего возлюбленнаго? Подъ яблонью разбудила я тебя: тамъ родила тебя мать твоя, тамъ родила тебя родительница твоя.

6. Положи меня, какъ печать на сердце твое, какъ перстень, на руку твою, ибо крѣпка, какъ смерть, лю-

бовь; люта, какъ преисподняя, ревность; стрѣлы ея—стрѣлы огненные; она—пламень весьма сильный.

7. Большія воды не могутъ потушить любви, и рѣки не зальютъ ея. Еслибы кто давалъ все богатство дома своего за любовь, то онъ былъ бы отвергнутъ съ презрѣньемъ.

выражаетъ желаніе, чтобы солнце было ея братомъ, т. е., неразрывно пребывало вѣстѣ съ нею для того, чтобы ея виноградники и граваты непрерывно цвѣли, чтобы старые плоды немедленно смѣнялись новыми. Пѣсьнь ольгѣ описывается обращеннымъ къ дочери Иерусалима заклинаніемъ не нарушать царствующей въ природѣ любви и гармоніи“ (цит. соч. стр. 377).

5. Вопросъ „кто это?..“ какъ и въ аналогичныхъ мѣстахъ III, 6 и VI, 10, принадлежащій вѣроятно, Иерусалимскихъ жевщинамъ, относится, безъ сомнѣнія, къ новому и теперь уже послѣднему выступленію Невѣсты. Въ евр. Библии: *ала мин-гамидбар*, *Vulg. ascendit de deserto*, русск. синод.: восходитъ (архим. Макарія: восходящая) отъ пустыни, что буквально согласуется съ III, 6 и вѣроятно искусственно перенесено отсюда. LXX читали иначе и передали: *λελευχανθ'ισρευη*, слав. убѣлена, что гораздо ближе соответствуетъ общему ходу мысли и рѣчи священнаго поэта: Невѣста въ его книгѣ представляется усовершеншающеюся, и если въ началѣ книги она являлась черною отъ загара солнечнаго (I, 4—5), то теперь, въ концѣ книги, она—по противоположности—представляется убѣленною, достигшею ослѣпительной бѣлизны. По мнѣнію проф. Олесницкаго, „послѣдняя стадія Пѣсьн Пѣсней VIII, 5—14 приближается къ картинамъ первой стадіи и изображаетъ первую половину *зимняго* сезона, охлажденіе и успленіе или—такъ сказать—сокращеніе жизни природы... Не напрасно Палестина въ предшествующей пѣснѣ такъ боялась удаленія солнца. Солнце уклонилось—и вотъ въ одно утро Палестина является вся бѣлая отъ снѣга. Эта мысль прямо выражается въ первыхъ словахъ пѣсни по чтенію LXX: *кто это выступаетъ блестящая такимъ бѣлымъ цвѣтомъ* (по LXX) и яркостью этого снѣжнаго цвѣта *уподобляющаяся другу своему солнцу*“ (стр. 377); „главнымъ зимнимъ украшеніемъ Палестины служатъ созрѣвающіе въ декабрѣ апельсинны... священныи поэтъ ихъ, и только ихъ однихъ разумѣть подъ общимъ именемъ яблокъ. Обремененныя зрѣющими плодами апельсинныя деревья—одни уцѣлѣвшій залогъ близкихъ отношеній между землею и солнцемъ; въ этихъ запоздалыхъ плодахъ зимнее солнце едва *возбуждаетъ* къ жизни Палестину, *спящую на лонѣ матери—земли*“ (стр. 378).

6—7. Въ ст. 6—7, по согласному признанію всѣхъ древнихъ и новыхъ толкователей, выражена основная мысль или идея всей книги Пѣсьн Пѣсней—о несравненно высокомъ достоинствѣ и непреоборимой силѣ истинной любви, какъ начала по существу и источнику своему божественнаго. Даваемое здѣсь священнымъ поэтомъ изображение любви—крѣпкой, какъ смерть, ревности, неасытимой, какъ самый шеолъ, любви, какъ божественнаго пламени не угасимаго и неподкупнаго, является вонстѣмъ неподражаемымъ, истинно классическимъ. Но все глубокое значеніе этой картины дѣлается понятнымъ лишь въ связи съ типологическимъ толкованіемъ книги Пѣсьн Пѣсней. Воспользуемся и здѣсь превосходнымъ объясненіемъ проф. Олесницкаго. „Какъ писатели пророческихъ книгъ въ изображеніи крайняго политическаго паденія еврейскаго народа вводятъ черты блаженнаго мессіанскаго царства въ видахъ утѣшенія и ободренія народа, такъ и писатель Пѣсьн Пѣсней, дойдя въ своемъ описаніи до низшей ступени жизни обѣтованной земли, какъ-бы уснувшей отъ дѣйствія зимняго холода, неожиданно вводитъ въ свое описаніе не нѣмую отношенія къ изображаемой имъ дѣйствительной Палестинѣ черту высшаго непосредственнаго отношенія Бога къ землѣ своего народа. Изображеніе любви въ ст. 6—7, которая не прерывается даже смертію и адомъ, не потушается никакими (зимними)

8. Есть у насъ сестра, которая еще мала, и сосцовъ нѣтъ у нея; что намъ будетъ дѣлать съ сестрою нашею, когда будутъ свататься за нее?

9. Еслибы она была стѣна, то мы построили бы на ней палаты изъ серебра; еслибы она была дверь, то мы обложили бы ее кедровыми досками.

10. Я — стѣна и сосцы у меня, какъ башни; потому я буду въ глазахъ его, какъ достигшая полноты.

11. Виноградникъ былъ у Соломона въ Ваал-Гамонѣ; онъ отдалъ этотъ виноградникъ сторожамъ; каждый долженъ былъ доставлять за плоды его тысячу сребрениковъ.

12. А мой виноградникъ у меня

водами и не приобретается никакими сокровищами, есть изображеніе той божественной любви, которая служитъ основаніемъ всего ветхозавѣтнаго ученія о Мессіи. Прииспособительно къ тому, что въ нашей книгѣ вообще говорится о солнцѣ и его благотвѣстной теплотѣ, и любовь Божія называется здѣсь *пламенемъ* (по первоначальному чтенію; *лама Іеговы Ягъ* ¹⁾). Такимъ образомъ совершенно справедливо древніе толкователи видѣли въ Пѣсни Пѣсней одно изъ самыхъ высшихъ и самыхъ свѣтлыхъ пророчествъ о Мессіи. Съ того высшаго пункта, на которомъ мы стоимъ въ VIII, 6 — 7, общая мысль всей книги Пѣснь Пѣсней должна быть опредѣлена такъ: Среди всѣхъ прерватностей судьбы Палестины, среди сѣняющихся картинъ ея природы, для народа еврейскаго есть только одно твердое и неизмѣнное основаніе жизни, это — обшпанная ему высшая и совершеннѣйшая любовь Іеговы, съ раскрытіемъ которой не нужно уже будетъ солнца на землѣ избранныхъ Божіихъ, потому что самъ Іегова будетъ для нея солнцемъ незаходящимъ“ (стр. 378—379). О параллелизмѣ ст. 6—7 съ Римл. VIII, 35—39 мы говорили.

8—14. Общій смыслъ этого заключительнаго отдѣла состоятъ въ указаніи полного довольства и удовольствія, какого достигла Невѣста въ осуществившемся наконецъ давно желанномъ ею безраздѣльномъ общеніи съ своимъ Возлюбленнымъ. Частности же, какъ и въ многихъ мѣстахъ напей священной книги, съ трудомъ поддаются удовлетворительному, безспорному объясненію. Такъ трудно опредѣлить кто именно та младшая сестра, о которой говорятъ—по предположенію, имѣющему много сторонниковъ (см. напр. русскій переводъ Архим. Макарія) — братья Невѣсты въ ст. 8—9. Мудрашъ и многіе толкователи (въ томъ числѣ и проф. Олсеніцкій) видятъ и въ этой, младшей сестрѣ Невѣсту—героиню Пѣсни Пѣсней, и именно въ примѣненіи къ ней, т. е., ближе всего къ историческому библейскому Израилю, изъясняютъ упомянутыя здѣсь несовершенства и нужды этой сестры. Однако за отличіе ея отъ Невѣсты говорятъ уже самое названіе ея меньшею, а также и то, что въ ст. 10 Невѣста по своимъ качествамъ прямо противоплагается, какъ „достигшая“ полноты (у архим. Макарія: „нашелшая мѣрь“), несовершенной младшей сестрѣ. Поэтому естественнѣе видѣть въ послѣдней чуждую Израилю и его Богодарованному достоянію общину язычниковъ, хотя и вѣрующихъ, но далеко не имѣвшихъ благоприятныхъ условий для развитія и практическаго осуществленія этой вѣры (можно здѣсь для сравненія принести изображеніе состоянія язычества у Апостола Павла, напр. Ефес. II, 12—13).

Виноградникъ, ст. 11 — 12, напротивъ, есть, какъ и въ Ис. V, 1 сл., образъ ветхозавѣтнаго библейскаго Израиля съ его теократическимъ устройствомъ. „Вааль-Гамонъ“, какъ собственное имя, въ ветхозавѣтныхъ каноническихъ книгѣхъ не встрѣчается. Сопоставленіе этого имени съ городомъ Валамономъ, упомянутымъ въ книгѣ Іудеев. VIII, 3 имѣетъ лишь ту вѣроятность, что послѣдній находился (Onomast. 191. 228) вблизи Доана или Доанма (Onomast. 396), т. е., вблизи и Сунама—родины Суламиты. Но еще вѣроятнѣе, что „Вааль-Гамонъ“ есть нарицательное имя, буквальное значеніе

¹⁾ Дѣствительно, вмѣсто принятаго чтенія въ евр. текстѣ ст. 6 שְׁלֵהֶבֶת пламень (сильный), въ весьма многихъ кодексахъ у Кенникотта и Росси читается שְׁלֵהֶבֶתָהּ пламя Іеговы.

при себѣ. Тысяча пусть тебѣ, Соломонъ, | и мнѣ послушать его.
 нъ, адвѣсти—стерегущимъ плоды его. | 14. Бѣги, возлюбленный мой!
 13. Жительница садовъ! товарищи внимаютъ голосу твоему, дай | будь подобенъ сернѣ, или молодому оленю, на горахъ бальзамическихъ.

котораго: „владѣтель множества (народовъ)“, вполне приличествуетъ Соломону, а еще болѣе прообразованному имъ Мессіи.

Съ послѣдними взаимными привѣтами любви, ст. 13—15, Возлюбленные исчезаютъ въ эфирныхъ высотахъ, съ чѣмъ вмѣстѣ замолкаютъ и послѣдніе тоны превосходѣйшей изъ пѣсней—Пѣсни Пѣсней, этой—по истинѣ, „неуловимой загадки, предложенной чело-вѣческому духу Духомъ Абсолютнымъ“ (проф. А. А. Олесницкій, Книга Пѣснь Пѣсней.. (стр. 338).

А. Глаголевъ.

